Издание
Великаго Князя
Николая Михаиловича
РУССКІЕ
ПОРТРЕТЫ
XVIII и XIX столѣтій
Edition du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch
PORTRAITS
RUSSES
des XVIIIe et XIXe siècles
I томъ
2 выпускъ
TOME I
FASCICULE 2
1905
С. ПЕТЕРБУРГЪ
ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ
ST. PÉTERSBOURG
MANUFACTURE DES
PAPIERS DE L'ETAT

2007088110

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ I, 1754—1801, со дня рожденія лишенъ былъ Императрицей Елисаветой Петровной родительскихъ попеченій, находясь сначала подъ надзоромъ самой Императрицы, а затѣмъ— оберъ-гофмейстера гр. Н. И. Панина, завѣдывавшаго его воспитаніемъ. Отъ природы нервный и впечатлительный, Павелъ пережилъ тяжелую жизненную школу, развившую въ немъ раздражительность и подозрительное отношеніе къ людямъ. Онъ былъ свидѣтелемъ низверженія отца, зналъ о событіяхъ, сопровождавшихъ восшествіе на престолъ его матери, и въ теченіе всего ея царствованія чувствовалъ себя въ опальномъ положеніи: Екатерина II держала его вдали отъ дѣлъ правленія. При такихъ обстоятельствахъ Павелъ, обладавшій умомъ мечтательнымъ и пылкимъ, являлся при дворѣ своей матери молчаливымъ свидѣтелемъ и безпощаднымъ критикомъ ея правительственной системы, тѣмъ болѣе, что воспитатель его, Панинъ, въ борьбѣ своей съ придворными партіями, думалъ сдѣлать изъ своего воспитанника политическое орудіе и въ бесѣдахъ съ нимъ не щадилъ Императрицы. Семейная жизнь Павла Петровича также не способствовала его успокоенію. Первая супруга его, Великая Княгиня Наталія Алексѣевна, рожденная принцесса Гессенъ-Дармштадтская, думала подчинить себѣ своего супруга и въ то же время допустила интимную близость къ себѣ одного изъ друзей дѣтства Цесаревича, гр. Андрея Разумовскаго. Вторая супруга Павла, Великая Княгиня Марія Ѳеодоровна, не обладала политическимъ умомъ, но горячо любила своего мужа и предана была семейнымъ своимъ обязанностямъ; дѣти Павла, родившіяся отъ этого брака, были, однако, устранены Императрицей отъ вліянія родителей: она сама взяла на себя заботу объ ихъ воспитаніи. Заграничная поѣздка великокняжеской четы, совершенная въ 1781 и 1782 гг., развила кругозоръ Великаго Князя, но сдѣлала для него еще болѣе чувствительнымъ опальное положеніе при дворѣ матери, тяжелую зависимость его отъ нея и даже отъ ея фаворитовъ. Цесаревичъ, мрачный и недовольный, жилъ въ Гатчинѣ, занимаясь тамъ устройствомъ своей маленькой арміи по прусскому образцу и составленіемъ проектовъ преобразованія государства. Ужасы французской революціи пробудили въ сумрачной душѣ Павла новую боязнь—революціонной заразы и укрѣпили въ немъ мысль о необходимости править „желѣзной лозою“. Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины неудовольствіе Павла Петровича усилилось еще болѣе, вслѣдствіе слуховъ о намѣреніи Екатерины лишить его престола въ пользу Великаго Князя Александра Павловича, что, однако, не осуществилось вслѣдствіе внезапной смерти Императрицы Екатерины 6 Ноября 1796 года.

Прождавъ власти слишкомъ долго и какъ бы боясь, что время не позволитъ ему внести въ жизнь Имперіи всѣ намѣченныя преобразованія, Павелъ далъ волю нетерпѣливой пылкости своего нрава. Указъ за указомъ, одно грозное повелѣніе за другимъ, измѣняли всю систему управленія, вторгались даже въ частную жизнь, въ области костюмовъ, упряжи, языка и т. д.; всякое, даже неумышленное, уклоненіе отъ данныхъ предписаній влекло за собою суровое наказаніе. Какъ ни полезны были многія распоряженія Императора, но система мелочной правительственной опеки, уничтожавшая всю гражданскую и личную свободу гражданъ, была невыносима для многихъ, въ особенности для дворянъ; болѣе довольны были Государемъ крестьяне и солдаты, на интересы которыхъ Павелъ обращалъ особое вниманіе. Не довѣряя дворянамъ, Павелъ окружалъ себя гатчинскими своими приверженцами, изъ которыхъ особенно выдѣлились Аракчеевъ, Ростопчинъ и Кутайсовъ. Въ сферѣ внѣшней политики Павелъ сначала держался принципа мира и невмѣшательства, затѣмъ вступилъ въ коалицію противъ республиканской Франціи, что повело къ Суворовскимъ побѣдамъ въ Италіи въ 1799 г.; но коварство союзниковъ, лишившее Павла острова Мальты, которымъ онъ дорожилъ какъ гросмейстеръ Мальтійскаго ордена, побудило его оставить коалицію и вступить въ тѣсную связь съ Франціею; связь эта повела къ разрыву съ Англіей. Внѣшнія дѣла не отражались, однако, на ослабленіи суроваго режима внутри государства: Императоръ принималъ все болѣе и болѣе крутыя мѣры. Особенно вкрался въ довѣріе Павла Петербургскій генералъ-губернаторъ гр. Паленъ, умѣвшій питать его подозрительность, направляя ее на лицъ, ему преданныхъ, и между тѣмъ ставшій во главѣ недовольныхъ для низверженія Павла съ престола; въ числѣ заговорщиковъ были братья Зубовы и подданный англійскаго короля по Гановеру генералъ Беннигсенъ; имъ помогали англійскія субсидіи. Императоръ Павелъ скончался въ ночь съ 11 на 12 Марта 1801 г. въ выстроенномъ имъ Михайловскомъ замкѣ.

(Съ портрета Н. Аргунова; собственность гр. А. Д. Шереметева, с. Останкино, Московск. губ.)

L'EMPEREUR PAUL Ier, 1754—1801, fut dès le jour de sa naissance enlevé par l'Impératrice Elisabeth Pétrowna aux soins de ses parents, pour être placé d'abord sous la surveillance de l'Impératrice elle-même, puis sous celle du grand maître de la Cour comte Panine, chargé de diriger son éducation. Nature nerveuse et impressionnable, il se trouva dans la vie à une rude école, qui lui fit un caractère irritable et soupçonneux. Il fut témoin du renversement de son père, eut connaissance des événements qui élevèrent sa mère au trône, et, pendant tout son règne, se sentit comme en disgrâce: Catherine II le tenait à l'écart des affaires de l'Etat. Dans ces conditions, Paul, avec son esprit ardent et rêveur, jouait à la Cour de sa mère un rôle muet de critique impitoyable du système de gouvernement, d'autant plus que son précepteur, Panine, pensait se faire de lui un instrument politique pour la lutte de parti qu'il soutenait à la Cour, et, dans ses entretiens avec lui, ne ménageait pas l'Impératrice. Dans sa vie privée non plus, Paul ne trouva aucun élément d'apaisement. Sa première femme, la Grande-Duchesse Natalie Alexéewna, née princesse de Hesse-Darmstadt, prétendait se l'assujettir, et, d'autre part, ne savait pas tenir à distance de son intimité un ami d'enfance du Césarewitch, le comte André Razoumowsky. La seconde femme de Paul, la Grande-Duchesse Marie Féodorowna, sans avoir guère de facultés politiques, aimait ardemment son mari et était tout entière à ses devoirs de famille. Les enfants issus de ce second mariage furent cependant soustraits par l'Impératrice à l'influence de leurs parents; elle voulait se charger elle-même de leur éducation. Le voyage que le Grand-Duc fit avec sa femme à l'étranger, en 1781 et 1782, élargit son horizon, mais lui rendit encore plus sensible son abaissement à la Cour de sa mère, et plus pénible la sujétion où elle le tenait, elle et même ses favoris. Le Césarewitch vivait sombre et mécontent à Gatchina, occupé à organiser sa petite armée à la prussienne et à faire des projets de réformes politiques. Les horreurs de la Révolution française firent naître dans son âme taciturne une crainte de plus, celle de la contagion révolutionnaire, et confirmèrent en lui l'idée de la nécessité de gouverner d'une main de fer. Son mécontentement ne fit que s'accroître dans les dernières années du règne de Catherine: on prêtait à la Souveraine l'intention de le dépouiller du trône au profit du Grand-Duc Alexandre Pavlowitch; le projet fut interrompu par la mort subite de l'Impératrice, le 6 novembre 1796.

Après avoir si longtemps attendu le pouvoir, Paul craignit de n'avoir pas le temps de réaliser toutes les réformes qu'il avait en vue, et donna carrière à l'impatience et à la fougue de son caractère. A coups d'oukazes, à coups d'ordonnances menaçantes, il changea tout le système de l'administration, s'ingérant jusque dans la vie privée pour réglementer des questions de costume, de harnachement, de langue, etc.; et le moindre écart, même involontaire, aux prescriptions données, était rigoureusement puni. Tout utiles qu'étaient nombre des dispositions de l'Empereur, ce système de tutelle gouvernementale vétilleuse, annihilant toute liberté civile et personnelle, fut insupportable pour beaucoup, surtout pour les nobles; l'Empereur était plus aimé par les paysans et les soldats, dont les intérêts l'occupaient particulièrement. Défiant des nobles, Paul s'entoura de ses partisans de Gatchina, entre lesquels se distinguaient Araktchéeff, Rostoptchine et Koutaïssoff. En politique extérieure, Paul commença par adopter le principe de la paix, de la non intervention, puis entra dans la coalition contre la France républicaine, d'où la campagne victorieuse de Souvoroff en Italie, en 1799. Mais, la mauvaise foi des Alliés l'ayant empêché d'avoir l'Ile de Malte, à laquelle il tenait comme grand maître de l'Ordre, il se retira de la coalition pour se lier étroitement avec la France: d'où rupture avec l'Angleterre. Les affaires extérieures n'amenaient d'ailleurs aucune détente dans le régime de rigueur à l'intérieur: tout au contraire. Paul avait laissé s'insinuer particulièrement dans sa confiance le comte Pahlen, général gouverneur de Saint-Pétersbourg, qui entretenait sa défiance en la faisant porter sur des hommes en réalité dévoués à l'Empereur, et qui était d'autre part à la tête d'un parti de mécontents cherchant à renverser Paul, entre autres les frères Zouboff et le général Bennigsen, sujet anglais comme hanovrien: la conspiration était alimentée d'or anglais. L'Empereur succomba dans la nuit du 11 au 12 mars 1801 au palais Michel qu'il avait fait construire.

(D'après l'original d'Argounoff, appartenant au comte A. Chéréméteff, Ostankino, gouv. de Moscou.)

Пис. Аргуновъ

Peint par Argounoff

Императоръ Павелъ I

1754–1801

L'Empereur Paul I

1754–1801

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

27

Императрица МАРІЯ ӨЕОДОРОВНА, 1759—1828, рожденная принцесса Виртембергская, воспитывалась подъ руководствомъ своей матери въ Монбельярѣ. Съ дѣтства еще обратила она на себя вниманіе Императрицы Екатерины, избиравшей невѣсту для Великаго Князя Павла Петровича и, послѣ смерти первой его супруги въ 1776 г., сдѣлалась его женой. Получивъ строгое религіозное воспитаніе и полюбивъ своего супруга со всѣмъ пыломъ кроткаго любящаго своего сердца, Марія Өеодоровна въ этой любви черпала себѣ утѣшеніе въ невзгодахъ пребыванія своего при дворѣ Екатерины и въ лишеніи естественнаго права воспитывать дѣтей своихъ, что взяла на себя Императрица. Уединенная жизнь въ Павловскѣ и Гатчинѣ, ограниченныя денежныя средства его, положили основаніе хозяйственной дѣятельности Императрицы Маріи и близкому знакомству ея съ бытомъ низшихъ классовъ населенія. Сумрачный характеръ Павла Петровича доставлялъ ей немало горькихъ минутъ, въ особенности въ концѣ царствованія Екатерины, когда Павелъ подчинился вліянію фрейлины Нелидовой, и Марія Өеодоровна считала семейное счастье свое поколебленнымъ. По вступленіи Павла Петровича на престолъ, Императрица Марія, убѣдившись въ чистотѣ намѣреній Е. И. Нелидовой, вступила съ ней въ дружбу, чтобы общими силами благотворно вліять на Императора, обуздывая его пылкость и раздражительность. Въ дѣйствительности вліяніе это не могло быть прочнымъ, потому что Марія Өеодоровна не обладала широкимъ государственнымъ умомъ, и ея политическіе взгляды по своей мелочности только раздражали Павла; вмѣстѣ съ тѣмъ домашняя опека, доходившая до мелочей, побуждала его удаляться отъ семьи и семейныхъ радостей. Поэтому, въ концѣ царствованія Павла, Марія Өеодоровна очутилась сама въ опальномъ положеніи, изъ котораго вышла лишь по вступленіи на престолъ Александра. Кончина Павла I жестоко подѣйствовала на Императрицу Марію и побудила ее всецѣло отдаться благотворительной и образовательной дѣятельности на пользу Россіи. Еще Императоръ Павелъ поручилъ ей управленіе воспитательными домами и Смольнымъ институтомъ, и послѣ того Императрица, въ теченіе 32-хъ лѣтъ, до самой своей кончины, улучшала эти учрежденія и основывала новые институты для образованія дѣвицъ, больницы и богадѣльни, частію на свои средства, частію на вызванныя ею пожертвованія; они впослѣдствіи образовали особое вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи.

Не сочувствуя Наполеону, Марія Өеодоровна въ политической жизни Россіи содѣйствовала борьбѣ ея съ Франціей до 1814 г., когда на французскомъ престолѣ опять возсѣли Бурбоны. Императрица была поклонницей старыхъ, дореволюціонныхъ традицій и рѣшительно воспротивилась браку узурпатора съ дочерью своею, Великой Княжной Анной Павловной, какъ ни желалъ Наполеонъ въ 1809 г. этого брака для упроченія союза своего съ Россіей. Кончина Императора Александра въ 1825 г. и послѣдовавшія за ней декабрьскія смуты замѣтно повліяли на здоровье Маріи Өеодоровны, какъ ни окружалъ ее своими сыновними заботами Императоръ Николай. Тревоги Турецкой войны 1828 г. окончательно подорвали ея силы: Императоръ Николай едва успѣлъ пріѣхать съ театра войны, чтобы принять послѣдній вздохъ умирающей матери. Она скончалась 24 Октября 1828 года.

(Съ миніатюры Ритта изъ собраній Гатчинскаго дворца.)

27

L'IMPÉRATRICE MARIE FEODOROWNA, 1759—1828, née princesse de Wurtemberg, fut élevée sous la direction de sa mère à Montbéliard. Tout enfant, elle attira l'attention de l'Impératrice Catherine, qui la choisit pour fiancée du Grand-Duc Paul Pétrowitch; lorsqu'il devint veuf, en 1776, elle l'épousa. Elle avait reçu une sévère éducation religieuse, et, aimant son mari de toute l'ardeur et de toute la tendresse de son cœur, puisait dans cette affection une consolation aux déboires de son séjour à la Cour de Catherine et à sa douleur d'être privée de son droit naturel de veiller à l'éducation de ses enfants, que s'était arrogé l'Impératrice. L'isolement dans lequel elle vivait à Pavlowsk et à Gatchina et les ressources limitées dont elle disposait furent le point de départ de son intérêt pour les questions d'économie et pour le régime des classes inférieures de la population. Le caractère taciturne de Paul lui causa bien des tourments, surtout lorsqu'à la fin du règne de Catherine, il se laissa dominer par l'influence de Mlle Nélidoff et qu'elle sentit son bonheur d'épouse compromis. Devenue Impératrice et rassurée sur les intentions de la jeune demoiselle d'honneur, elle s'unit d'amitié avec elle pour exercer ensemble sur l'Empereur une bienfaisante influence et mettre un frein à sa fougue et à son irritabilité. En réalité, cette influence ne put être solide, Marie Féodorowna n'ayant pas un esprit politique assez large, et l'étroitesse de ses vues en matière de gouvernement ne faisant qu'irriter Paul, que la tutelle vétilleuse qu'elle faisait peser sur lui dans leur intérieur contribuait encore à éloigner de la famille et des joies du foyer. Aussi, à la fin du règne de Paul, l'Impératrice se sentit-elle elle-même dans un ravalement dont elle ne sortit qu'à l'avènement d'Alexandre. La mort de Paul fut pour elle un coup cruel; dès lors elle se consacra tout entière à des œuvres de bienfaisance et d'éducation nationales. L'Empereur Paul, déjà, lui avait confié la direction de maisons d'éducation et de l'Institut de Smolna: jusqu'à sa mort, elle ne cessa, durant trente-deux ans, d'améliorer ces établissements, de fonder de nouveaux instituts de jeunes filles, des hôpitaux et des hospices, en partie à ses propres frais, en partie en faisant appel à la bienfaisance. Toutes ces fondations furent dans la suite réunies sous une administration spéciale, celle des Etablissements de l'Impératrice Marie.

Ennemie de Napoléon, Marie Féodorowna fut, au point de vue politique, pour la lutte avec la France jusqu'en 1814, à la Restauration. Elle était partisan des vieilles traditions d'avant la Révolution, et s'opposa énergiquement au mariage de l'usurpateur avec sa fille, la Grande-Duchesse Anne, en 1809, en dépit de Napoléon, qui comptait affermir ainsi son alliance avec la Russie. La mort de l'Empereur Alexandre, en 1825, et les troubles de Décembre eurent sur la santé de l'Impératrice Mère une influence sensible, malgré les soins filiaux dont l'entoura l'Empereur Nicolas. Les inquiétudes de la guerre de Turquie de 1828 ruinèrent définitivement ses forces: l'Empereur Nicolas revint du théâtre de la guerre juste à temps pour recevoir le dernier soupir de sa mère. Elle mourut le 24 octobre 1828.

(D'après une miniature de Ritt, Palais de Gatchina.)

27

Пис. Литтъ — Peint par Rill

Императрица Марія Θеодоровна, 1759-1828 | L'Impératrice Marie Feodorowna. 1759-1828

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Князь БОРИСЪ ВЛАДИМІРОВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ, 1769—1813, сынъ бригадира князя Владиміра Борисовича и княгини Наталіи Петровны, рожденной графини Чернышевой, старшій братъ Московскаго генералъ-губернатора, свѣтлѣйшаго князя Дмитрія Владиміровича, родился 6 Января 1769 г.; началъ службу въ 1781 г. въ Семеновскомъ полку, въ которомъ и служилъ до 1796 г., до чина полковника. Въ Польскую войну 1794 г. награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й ст. Въ 1798 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ слѣдующемъ году въ генералъ-лейтенанты. Это была эпоха кратковременнаго, но богатаго неожиданностями царствованія Павла I, въ которомъ за необычайными милостями нерѣдко слѣдовала столь же быстрая опала лица, еще наканунѣ пользовавшагося почестями и вліяніемъ. Князь Голицынъ, повидимому, не избѣгъ участи многихъ: 24 Марта 1800 г. онъ былъ уволенъ отъ службы „за то, что приказалъ бить въ барабанъ передъ домомъ германскаго консула въ Ригѣ Тромповскаго такъ долго, что младенецъ онаго Тромповскаго отъ испугу умеръ". По вступленіи на престолъ Императора Александра, онъ снова принятъ на службу (26 Марта 1801 г.) и затѣмъ послѣдовательно сдѣланъ шефомъ Павловскаго гренадерскаго полка (1802 г.) и инспекторомъ по инфантеріи Смоленской инспекціи. Принималъ участіе въ главнѣйшихъ сраженіяхъ Отечественной войны 1812 г. и былъ раненъ подъ Бородиномъ; отъ этой раны онъ и умеръ въ Вильнѣ 6 Января 1813 г.; погребенъ въ церкви села Большія Вязёмы, Московской губерніи.

Князь Голицынъ былъ холостъ, но послѣ него остались двѣ дочери „Зеленскія", изъ которыхъ одна была замужемъ за профессоромъ С. П. Шевыревымъ, а другая, Анна Борисовна, за Тверскимъ губернаторомъ Бакунинымъ. Княгиня Тат. Вас. Голицына, жена его брата, „по добротѣ, взяла этихъ сиротокъ къ себѣ и воспитывала, но отъ старой княгини (мать князя, „princesse moustache") существованіе ихъ скрывали".

Въ русской литературѣ князь Голицынъ извѣстенъ какъ писатель-беллетристъ, поэтъ и критикъ. Получивъ прекрасное домашнее образованіе, онъ превосходно изучилъ иностранную, особенно французскую, литературу и въ совершенствѣ владѣлъ языкомъ Мольера и Расина, о чемъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ литературно-критическихъ его сочиненій на французскомъ языкѣ.

Въ русской литературѣ Голицынъ писалъ подъ псевдонимомъ Дм. Пименова и печаталъ критическія статьи и стихотворенія въ журналахъ того времени. Въ 1809 г. имъ изданы въ Москвѣ „Нравственныя разсужденія герцога де-ла-Рошфуко, пер. съ французскаго", о которыхъ С. Н. Глинка говоритъ: „Онъ очень удачно перевелъ Рошфукольдовы мысли и напечаталъ ихъ подъ чужимъ именемъ".

По отзыву того же Глинки, князь Голицынъ былъ истинно-русскимъ человѣкомъ въ душѣ и по убѣжденіямъ. „Я хочу учиться въ Россіи по-русски", говорилъ онъ, „и быть русскимъ. Много читалъ я по-французски и къ стыду моему мало занимался русскимъ. Катонъ Старшій принялся за греческую азбуку; нѣкоторые осуждали его за это, но не я. Приступая къ русскому ученію, скажу по-русски: „вѣкъ живи, вѣкъ учись". Онъ убѣдилъ Мерзлякова преподавать ему русскую словесность, Калайдовича—русскую исторію. Князь Б. В. Голицынъ завелъ у себя русскіе вечера, на которыхъ читалось все русское, при чемъ хозяинъ дома просилъ, чтобы его останавливали, когда къ русскому онъ примѣшаетъ французское. Какъ великолѣпный танцоръ, онъ имѣлъ прозвище „Boris-Vestris"; по отзыву современницы, былъ „очень хорошъ собой, уменъ и по своему времени получилъ воспитаніе какъ немногіе".

(Съ портрета, писаннаго Изабе; собственность князя Н. Н. Оболенскаго, въ Москвѣ.)

Le prince **BORIS VLADIMIROWITCH GOLITZYNE**, 1769—1813, fils du brigadier prince Vladimir Borissowitch Golitzyne et de la princesse Natalie Pétrowna, née comtesse Tchernycheff, frère aîné du prince sérénissime Dmitri Golitzyne, général gouverneur de Moscou, naquit le 6 janvier 1769. Il débuta au service en 1781 au régiment Sémenowsky, où il resta jusqu'au grade de colonel, en 1796. La campagne de Pologne de 1794 lui valut St-Georges de 4e classe. En 1798, il fut promu général major, et l'année suivante général lieutenant. C'était l'époque rapide, mais fertile en surprises, du règne de Paul Ier; une élévation soudaine et extraordinaire aux honneurs et à la puissance était souvent suivie d'une disgrâce non moins prompte. Le prince Golitzyne, sans doute, ne devait pas échapper à cette destinée commune: le 24 mars 1800, il fut destitué „pour avoir fait battre le tambour devant la maison du consul d'Allemagne Trompowsky à Riga si longtemps, qu'un enfant dudit Trompowsky était mort de frayeur". A l'avènement de l'Empereur Alexandre, il fut repris au service le 26 mars 1801, et fait successivement chef du régiment de grenadiers Pavlowsky en 1802 et inspecteur de l'infanterie du district de Smolensk. Il prit part aux grandes batailles de la Guerre Patriotique et reçut à Borodino une blessure au bras, dont il mourut à Vilna le 6 janvier 1813. Il fut inhumé à Bolchiya Viazemy, gouvernement de Moscou.

Le prince Golitzyne ne se maria pas, mais laissa deux filles, les demoiselles „Zélinsky", dont l'une épousa le professeur Chévyreff, et l'autre, Anne, le gouverneur de Tver, Bakounine. La femme de son frère, la princesse Tatiana Vassiliewna Golitzyne, „avait, par bonté, pris avec elle les petites orphelines pour les élever, mais on cachait leur existence à la vieille princesse" (la „Princesse Moustache", la mère du prince).

En littérature, le prince Golitzyne est connu comme écrivain, poète et critique. Il avait reçu dans sa famille une excellente instruction, connaissant supérieurement les littératures étrangères et surtout la littérature française, et possédant à la perfection la langue de Molière et de Racine, comme en témoignent toute une série d'essais littéraires et critiques écrits en français.

Dans la littérature russe, il est connu sous le pseudonyme de Dm. Piménoff et publia des critiques et des poésies dans les revues du temps. En 1809, il fit paraître à Moscou les „Réflexions morales du Duc de la Rochefoucauld, traduites du français", dont S. Glinka dit: „Il traduisit fort bien les Pensées de la Rochefoucauld et les publia sous le nom d'un autre".

Au témoignage de ce même Glinka, le prince Golitzyne fut un vrai russe, de cœur et de convictions. „Je veux apprendre le russe en Russie", dit-il, „et être russe. J'ai beaucoup lu en français, et, à ma grande honte, très peu en russe. Caton l'Ancien s'était mis à apprendre l'alphabet grec: on l'en blâma; moi, je l'approuve. En me mettant à l'étude du russe, je répète le proverbe russe: on n'a pas trop de toute une vie pour apprendre". Il se fit donner des leçons de littérature par Merzliakoff, et d'histoire de Russie par Kalaïdowitch. Le prince Golitzyne avait organisé chez lui des soirées russes, où il n'y avait que du russe, et lui-même se faisait reprendre à chaque mot de français qui lui échappait. Ses talents de danseur lui valurent le sobriquet de „Boris-Vestris". Au témoignage d'une contemporaine, „il était très bien de sa personne, ne manquait pas d'esprit et avait reçu une éducation rare pour l'époque".

(D'après l'original d'Isabey, propriété du prince N. Obolensky, Moscou.)

Графъ **ЮЛІЙ ПОМПЕЕВИЧЪ ЛИТТА**, 1763—1839, итальянецъ, сынъ генерала австрійскихъ войскъ, по матери принадлежалъ къ старинному знатному роду Висконти; родился 12 Апрѣля 1763 г. въ Миланѣ и получилъ образованіе въ Римѣ, въ коллегіи св. Климента; 17-и лѣтъ поступилъ въ рыцари Мальтійскаго ордена, гросмейстеромъ котораго въ 1789 г. былъ посланъ въ Россію, по желанію Императрицы, какъ человѣкъ, свѣдущій въ морскомъ дѣлѣ. Принятый на русскую службу капитанъ-командоромъ, какъ начальникъ легкой флотиліи, участвовалъ въ войнѣ со Швеціей и заслужилъ чинъ контръ-адмирала, орденъ св. Георгія 3 кл. и золотое оружіе. Въ 1792 г. Литта уѣхалъ изъ Россіи, куда вернулся опять по дѣламъ ордена 3 года спустя: ему поручено было просить о возвращеніи ордену доходовъ съ Острожскаго пріорства, перешедшаго къ Россіи по 2-му раздѣлу Польши. Вступленіе на престолъ Павла I было какъ нельзя болѣе благопріятно для Мальтійскаго ордена, ему не только были возвращены просимые доходы, но въ Россіи разрѣшено было учредить Великое пріорство ордена, состоящее изъ 10 командорствъ. Литта былъ назначенъ посломъ въ Петербургѣ, а когда Павелъ принялъ званіе Великаго магистра ордена, онъ сдѣлалъ его „намѣстникомъ". Его сильное вліяніе было направлено въ пользу католической церкви; поддерживая въ Государѣ убѣжденіе, что Мальтійскій орденъ — вѣрный оплотъ христіанства и монархіи противъ современнаго невѣрія и якобинства, Литта изъ тѣхъ же соображеній склонилъ Павла I къ возстановленію Іезуитскаго ордена. Зато, когда 35-лѣтній рыцарь влюбился въ богатую красавицу вдову графиню Е. В. Скавронскую, рожденную Энгельгардъ, папа, по желанію Государя, снялъ съ него обѣтъ безбрачія. 31 Октября 1798 г. Литта женился, сдѣлался обладателемъ колоссальнаго состоянія, принялъ русское подданство и былъ назначенъ шефомъ кавалергардовъ. Не только русская партія при дворѣ, съ Ростопчинымъ во главѣ, но и митрополитъ католическій Сестренцевичъ, боролись съ Литтой и добились его удаленія. 18 Марта 1799 г. онъ удалился въ деревню. Вернувшись вскорѣ ко двору, при Александрѣ I Литта управлялъ Гофъ-интендантской конторой (1810—1817 г.) и въ то же время, съ 1811 г., былъ членомъ Государственнаго Совѣта, участвуя также во многихъ особыхъ комитетахъ. Въ 1826 г. онъ получилъ орденъ св. Андрея и званіе оберъ-камергера, а въ 1830 г. былъ назначенъ предсѣдателемъ департамента Экономіи. Дѣятельность Литты была замѣтная и вполнѣ безупречная. Отличаясь большими хозяйственными и финансовыми способностями, онъ прекрасно велъ свои собственныя дѣла, управляя обширными имѣніями жены, и въ то же время много потрудился надъ разработкой различныхъ финансовыхъ вопросовъ. Онъ любилъ подавать особыя мнѣнія и записки, и въ 1822 г. заслужилъ Высочайшій выговоръ за „двоякое неприличіе": рѣзкость выраженій, и за то, что „невмѣстно, чтобы члены Россійскаго Верховнаго Судилища излагали сужденія на иностранномъ (французскомъ) языкѣ". Бывшій рыцарь, былъ рыцаремъ и по своимъ воззрѣніямъ: отказываясь отъ участія въ одномъ частномъ предпріятіи, Литта высказывался при этомъ, что „неудобно въ одно и то же время защищать частныя выгоды компаніи въ качествѣ ея учредителя и обсуждать ея статуты, опредѣлять права и преимущества въ лицѣ члена Государственнаго Совѣта". Послѣ смерти страстно любимой жены († 7 Февраля 1829 г.), Литта перенесъ свою привязанность на внучку жены, графиню Ю. П. Самойлову, рожд. гр. Паленъ, которой завѣщалъ большую часть состоянія; у него были еще внѣбрачные—сынъ, имѣвшій фамилію „Аттиль", и дочь (съ 1852 г.— за г. Путятой), отъ француженки (потомъ за полк. Макаровымъ). Графъ Литта умеръ 26 Января 1839 г. въ своемъ домѣ, близъ арки Генеральнаго штаба, и погребенъ въ католической церкви въ Царскомъ Селѣ. Колоссальнаго роста и богатырскаго сложенія, подъ старость — тучный, графъ Литта имѣлъ въ молодости привлекательное лицо, голосъ его гремѣлъ, какъ „труба Архангела при второмъ пришествіи". До глубокой старости сохранилъ онъ бодрость и крѣпкое здоровье: „Я чувствую себя свѣжимъ, толстымъ, колоссальнымъ; найдите другого человѣка, которому въ мои годы не нужны очки. Я не придерживаюсь никакой діэты, ѣмъ, пью, что мнѣ нравится, и во всякіе часы". Онъ бывалъ на балахъ, при дворѣ, „имѣлъ даже счастье считаться еще женихомъ" (подъ 70 лѣтъ), не оставлялъ до конца дней службы, ибо „полонъ иллюзіи, что въ состояніи еще что-нибудь сдѣлать и быть полезнымъ" странѣ и Государю. Оригиналъ во многомъ, врагъ безумной роскоши, онъ любилъ много и хорошо поѣсть; мороженое было его любимымъ лакомствомъ, и онъ истреблялъ его неимовѣрное количество. Говорятъ, что передъ смертью онъ съѣлъ цѣлую форму въ 10 порцій, и послѣднія слова его были: „Сальваторъ отличился на славу въ послѣдній разъ".

(Съ портрета Лампи, принадлежащаго Великому Князю Владиміру Александровичу.)

Le comte JULES POMPÉEWITCH LITTA, 1765—1839, italien, fils d'un général de l'armée autrichienne, appartenait par sa mère à la vieille famille noble des Visconti. Il naquit le 12 avril 1765 à Milan, et fit son éducation à Rome, au collège St-Clément. A 17 ans, il entra dans l'Ordre de Malte; il en était grand maître lorsqu'il fut envoyé en Russie, en 1789, sur la demande de l'Impératrice, comme spécialiste de l'art naval. Il débuta au service russe comme capitaine-commandeur avec une flottille légère sous ses ordres, fit la campagne de Suède, qui lui valut le grade de contre-amiral, l'ordre de St-Georges de 3ᵉ classe et une épée d'or. En 1792, il quitta la Russie, mais les affaires de l'Ordre l'y ramenèrent trois ans après, avec la mission de solliciter le retour à l'Ordre des revenus du prieuré d'Ostrog, que le second partage de la Pologne avait donné à la Russie. L'avènement de Paul Iᵉʳ fut on ne peut plus favorable à l'Ordre de Malte; il reçut non seulement les revenus demandés, mais encore l'autorisation de fonder en Russie un Grand-Prieuré comportant dix commandorats. Litta fut nommé ambassadeur à Pétersbourg, et Paul, en prenant le titre de grand maître de l'Ordre, le fit „lieutenant". Il mit sa haute influence au service de l'église catholique; à force de représenter à l'Empereur l'Ordre de Malte comme le fidèle rempart du christianisme et de la monarchie contre l'incrédulité et le jacobinisme du temps, il réussit à lui faire rétablir l'Ordre des Jésuites. Aussi lorsque, à l'âge de 35 ans, il devint amoureux d'une riche et belle veuve, la comtesse Skavronsky, née Engelhardt, le pape, sur la demande de l'Empereur, le délia de son vœu de chasteté. Le 31 octobre 1798, Litta se maria, devenant ainsi possesseur d'une fortune colossale, se fit naturaliser russe, et fut nommé chef des Chevaliers-Gardes. Il eut à lutter contre l'opposition non seulement du parti russe de la Cour dirigé par Rostoptchine, mais aussi du métropolite catholique Siestrencewicz, et finit par avoir le dessous: le 18 mars 1799, il dut se retirer en province. Il ne tarda pas à rentrer à la Cour, fut sous Alexandre directeur du Bureau de l'Intendance de la Cour (1810—1817) et en même temps membre du Conseil de l'Empire depuis 1811 et de nombre d'autres comités particuliers. En 1826, il reçut le cordon de St-André et le titre de grand chambellan, et, en 1815, fut fait président du Département Economique. Son activité fut très appréciée et absolument irréprochable. Doué de hautes qualités d'administrateur et d'économiste, il dirigea supérieurement ses affaires personnelles, la gérance des immenses propriétés de sa femme, et fit en même temps l'étude approfondie de diverses questions financières. Il aimait présenter des avis à part et déposer des amendements, et s'attira, en 1822, une réprimande de S. M. l'Empereur pour „une double inconvenance", pour ses expressions trop vives, et parce qu'„il est inadmissible que les membres du Tribunal Suprême de la Russie rédigent leurs avis dans une langue étrangère" (le français). Ancien chevalier, il restait chevalier dans sa manière de voir: il refusa de prendre part à une entreprise privée, alléguant qu'„il était gênant de défendre les intérêts particuliers de la compagnie comme fondateur et d'autre part, d'en discuter les statuts et d'en déterminer les droits et les privilèges en qualité de membre du Conseil de l'Empire". A la mort de sa femme bien-aimée († 7 février 1829), Litta reporta son attachement sur la petite-fille de sa femme, la comtesse Samoïloff, née comtesse Pahlen, à laquelle il légua la plus grande partie de sa fortune; il avait encore eu, avec une française qui épousa plus tard le colonel Makaroff, des enfants illégitimes: un fils, qui portait le nom de famille „Attil" et une fille, qui épousa, en 1852, le comte Poutiata. Le comte Litta mourut le 26 janvier 1839, dans la maison qu'il avait près de la voûte de l'Etat-major général, et fut enterré au cimetière catholique de Tsarskoïé-Sélo.

D'une taille colossale et d'une stature de géant, un peu obèse dans sa vieillesse, il avait eu dans sa jeunesse un visage avantageux et une voix retentissante „comme la trompette de l'Archange à la seconde venue du Messie". Il conserva jusqu'à une vieillesse avancée sa verdeur physique et sa forte santé: „Je me sens frais, gros, colossal; trouvez-moi quelqu'un qui voie sans lunettes à mon âge. Je ne suis aucun régime: je mange et je bois tout ce que je veux et quand je veux". Il allait aux bals, à la Cour, „avait même le bonheur de passer encore pour un parti" (à près de 70 ans), et resta au service jusqu'à la fin de ses jours, car il était „rempli de l'illusion qu'il était encore bon à quelque chose et utile" au pays et à l'Empereur. Original sur beaucoup de points, ennemi d'un luxe exagéré, il aimait fort la bonne chère; les glaces étaient sa friandise préférée, et il en absorbait une quantité invraisemblable. On dit qu'à son lit de mort il en prit à lui tout seul une pour dix personnes, et que ses dernières paroles furent: „Salvator s'est distingué pour la dernière fois".

(D'après l'original de Lampi, propriété du Grand-Duc Vladimir Alexandrowitch.)

29

Пис: Лампи (?) | Peint par Lampi (?)

Графъ Юлiй Помпеевичъ
Литта. 1763-1839

Le Comte Jules Pompéewitch
Litta. 1763 1839

Графиня ЕКАТЕРИНА ВАСИЛЬЕВНА ЛИТТА, 1761—1829, дочь смоленскаго помѣщика Василія Андреевича Энгельгардта отъ брака съ родной сестрой князя Потемкина, Еленой Александровной, въ 1776 г., когда дядя-фаворитъ достигъ верха почестей, была привезена вмѣстѣ съ сестрами въ Петербургъ и сдѣлана фрейлиной. Здѣсь ее постигла та же судьба, что и ея сестеръ, Александру и Варвару. „Она всѣхъ сестеръ была пригожѣе, и дядюшка въ нее влюбился; влюбиться, на языкѣ Потемкина, значило наслаждаться плотью, любовныя его интриги оплачивались отъ казны милостью и разными наградами, кои потомъ обольщали богатыхъ жениховъ и доставляли каждой племянницѣ, сошедшей съ ложа сатрапа, прочную фортуну“, такъ пишетъ князь И. М. Долгорукій, двоюродный братъ графа Скавронскаго. Участь сестеръ Энгельгардтъ была одинакова, но характеръ ихъ отношеній къ дядѣ былъ различенъ. Въ то время, какъ кроткая Александра сама искренно привязалась къ дядѣ, искала его ласкъ и глубоко была огорчена, когда его потеряла, Варвара заставляла могучаго колосса ползать у своихъ ногъ, писать ей страстныя письма, вымаливать каждую ласку, постоянно съ нимъ ссорилась и сама покинула его для кн. Голицына; въ отношеніяхъ къ Екатеринѣ не было ни того, ни другого. Безъ всякаго образованія, не выдаваясь умственными способностями, скучная, съ флегматическимъ характеромъ, она не создана была для бурныхъ страстей; своимъ добрымъ и кроткимъ сердцемъ она повѣрила любви дяди и отдалась ему, не любя, чтобы не причинить ему огорченія. Самъ Потемкинъ далеко не такъ увлекался ей, несмотря на то, что она была обворожительно хороша, какъ ея сестрами, но связь его съ ней была продолжительнѣе. Е. В. Энгельгардтъ пользовалась расположеніемъ Императрицы, бывала на Эрмитажныхъ собраніяхъ и въ 1780 г., въ числѣ 4 фрейлинъ, сопровождала Екатерину въ поѣздкѣ въ Бѣлоруссію. Въ это время въ нее влюбился гр. П. М. Скавронскій, и, несмотря на то, что связь ея съ Потемкинымъ ему была извѣстна, 10 Ноября 1781 г. состоялась ихъ свадьба. Жена выпросила мужу нѣсколько чиновъ и орденовъ, но, когда въ 1784 г. Скавронскій былъ назначенъ министромъ въ Неаполь, графиня, къ огорченію мужа, осталась въ Петербургѣ: Потемкинъ не желалъ отпустить отъ себя этого „ангела во плоти“. 17 Августа 1786 г., въ спальнѣ дяди, кокетничая передъ зеркаломъ, она приколола себѣ на грудь портретъ Императрицы. „Катенька, поди благодарить Государыню,—ты статсъ-дама“, и, несмотря на сопротивленіе племянницы, Потемкинъ послалъ ее съ запиской къ Екатеринѣ, которая, хотя и съ неудовольствіемъ, но исполнила желаніе своего бывшаго фаворита. Послѣ отъѣзда князя Тавриды на войну, больной мужъ упросилъ жену пріѣхать въ Италію. Болѣзнь гр. Скавронскаго мѣшала ему вести открытый образъ жизни, но графиня и не искала развлеченій, она проводила дни въ праздности, вечеръ за картами, а, ложась спать, слушала сказки крѣпостной дѣвушки, не заботясь о сюжетѣ. Она совершенно распустилась. Виже-Лебренъ, писавшая портретъ графини въ это время и восхищавшаяся ея красотой, говоритъ, что „высшимъ счастьемъ ея было—лежать на кушеткѣ, безъ корсета, закутавшись въ огромную черную шубу“. Брильянтовъ, подаренныхъ ей Потемкинымъ, она почти не надѣвала, смотря на сундуки изысканныхъ нарядовъ изъ Парижа, она только говорила: „Для чего, для кого, зачѣмъ?!“ 23 Ноября 1793 г. гр. Скавронскій (р. 1757 г.) умеръ, и вдова, никогда не любившая мужа, вскорѣ вернулась въ Петербургъ, гдѣ Павелъ I, въ день коронаціи, пожаловалъ ее кавалерственной дамой. Ей было уже 37 лѣтъ, когда она, впервые, сама безумно влюбилась въ итальянца графа Ю. П. Литту; 31 Октября 1798 г. отпразднована была ихъ свадьба. Бракъ оказался самымъ счастливымъ. 14 Декабря 1798 г. графинѣ былъ пожалованъ орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго большаго креста, 18 Апрѣля 1809 г. орденъ Екатерины 1-й ст., а 1 Января 1824 г. она получила званіе гофмейстерины. Умерла 7 Февраля 1829 г. и погребена въ церкви Св. Духа Александро-Невской лавры. Отъ перваго брака у нея были 2 дочери: Екатерина (за кн. П. И. Багратіономъ) и Марія (за гр. Паленомъ и во 2 бракѣ — за гр. Ожаровскимъ).

Графиня Е. В. Литта, обладая прекрасной фигурой, была неотразима и безконечно симпатична. Сегюръ увѣряетъ, что ея головка — это головка амура; князь П. Д. Цыціановъ, немного влюбленный въ нее, писалъ, что она „ангелъ во плоти, хороша, молода, прекрасна“; Державинъ, называя ее „магнитомъ очей“ и воспѣвая подъ именемъ „Пирры“, расточалъ ей—„зарѣ безъ тучъ“, еще цѣлый рядъ лестныхъ эпитетовъ.

(Съ портрета Виже-Лебренъ; собственность княгини З. Н. Юсуповой, въ С.-Петербургѣ.)

La comtesse **CATHERINE VASSILIEWNA LITTA**, 1761—1829, fille de Basile Andréewitch Engelhardt, propriétaire de Smolensk, et d'une sœur du prince Potemkine, Hélène Alexandrowna, fut amenée à Pétersbourg, elle et ses sœurs, en 1776, lorsque son oncle, le favori, venait d'arriver au comble des honneurs, et faite demoiselle d'honneur. Là, elle eut le même sort que ses sœurs Alexandrine et Varvara. „Elle était la plus gentille des trois, et son oncle devint amoureux d'elle; être amoureux, dans la langue de Potemkine, c'était goûter les délices de la chair: il faisait ensuite payer ses intrigues amoureuses par l'Etat, en faveurs et récompenses de toute nature, destinées à allécher les riches partis et à procurer à chacune des jeunes filles, au sortir de la couche du satrape, une fortune solide". Ainsi s'exprime le prince Dolgorouky, cousin germain du comte Skavronsky. Le sort des sœurs Engelhardt fut le même, mais la nature de leurs relations avec leur oncle fut différente. Tandis qu'Alexandrine, avec sa douceur de caractère, avait pour lui de son côté un attachement sincère, recherchait ses caresses, et conçut un profond chagrin de le perdre, Varvara faisait ramper à ses pieds le puissant colosse, lui faisait écrire des lettres passionnées et mendier les caresses une à une, se disputait sans cesse avec lui et finit par le quitter pour le prince Golitzine. Avec Catherine, ce ne fut ni l'un ni l'autre: dénuée d'instruction, peu douée intellectuellement, taciturne, d'un caractère flegmatique, elle n'était pas faite pour les passions orageuses; de toute la bonté et la douceur de son cœur elle crut à l'amour de son oncle et se donna à lui sans l'aimer, pour ne pas lui faire de peine. Potemkine, de son côté, fut loin d'avoir pour elle, malgré sa beauté séduisante, une passion aussi vive que pour ses sœurs, mais sa liaison avec elle dura plus longtemps. Catherine était honorée de la faveur de l'Impératrice: elle allait aux réunions de l'Ermitage, et fut des quatre demoiselles d'honneur qui accompagnèrent la souveraine dans son voyage de Russie Blanche, en 1780. Elle inspira à cette époque une vive passion au comte Skavronsky, qui, bien que sachant sa liaison avec Potemkine, l'épousa, le 10 novembre 1781. Elle lui fit obtenir des dignités et des décorations, mais lorsqu'en 1784 il fut nommé ministre à Naples, la comtesse, au grand chagrin de son mari, dut rester à Pétersbourg: Potemkine n'entendait pas se séparer de cet „ange incarné". Le 17 août 1786, en jouant devant son miroir dans la chambre de son oncle, elle s'était attaché sur la poitrine le portrait de l'Impératrice: „Ma chérie, va remercier Sa Majesté: tu es dame d'honneur", et, quoi que pût faire sa nièce, Potemkine lui donna un mot pour Catherine, qui, sans enthousiasme, ne laissa pas d'accéder à la demande de son ancien favori. Le prince de Tauride une fois parti pour la guerre, elle fut rappelée en Italie par son mari, déjà souffrant. Son état de santé le tenait à l'écart de la société, mais la comtesse ne tenait pas non plus aux distractions; elle passait ses journées dans le désœuvrement, ses soirées à jouer aux cartes, et se mettait au lit en écoutant les récits de sa fille de service, sans trop s'inquiéter du sujet: elle n'avait plus aucun ressort moral. Vigée-Lebrun, qui fit son portrait à cette époque et fut enthousiasmée de sa beauté, dit que „son plus grand bonheur était de rester sur une chaise longue, sans corset, enveloppée dans une immense fourrure noire". Les bijoux que lui avait donnés Potemkine, elle ne les porta presque pas; elle regardait ses caisses de toilettes de luxe commandées à Paris, en disant simplement: „Pourquoi? Pour qui? A quoi bon?" Le 25 novembre 1793, elle perdit son mari (né en 1757), qu'elle n'avait jamais aimé, et ne tarda pas à retourner à Pétersbourg, où Paul Ier, le jour de son couronnement, la fit dame de Ste-Catherine. Elle n'avait pas moins de 37 ans lorsqu'elle se prit pour la première fois d'une passion sans bornes, pour un Italien, le comte Litta: le mariage fut célébré le 31 octobre 1798. Ce fut une union des plus heureuses. Le 14 décembre 1798, la comtesse reçut la grand croix de Saint-Jean-de-Jérusalem, le 18 avril 1809 Ste-Catherine de 1ère classe et le 1er janvier 1824 le titre de maîtresse de la Cour. Elle mourut le 7 février 1829 et fut inhumée au monastère d'Alexandre Newsky, à l'église du Saint-Esprit. Elle avait eu deux filles de son premier mariage, Catherine, qui épousa le prince Bagration, et Marie, qui épousa le comte Pahlen, puis en secondes noces le comte Ojarowsky.

La comtesse Litta, avec sa merveilleuse beauté, était irrésistible et infiniment sympathique. Ségur prétend qu'elle avait une petite tête d'Amour. Le prince Tzitzianoff, qui eut pour elle une légère passion, la représente comme „un ange incarné de grâce, de jeunesse et de beauté". Derjavine l'appelle „un aimant pour les yeux", la chanta sous le nom de „Pyrrha" et prodigua à cette „aurore sans nuages" toute une série d'épithètes flatteuses.

(D'après l'original de Vigée-Lebrun, propriété de la princesse Z. Youssoupoff, St-Pétersbourg.)

Пис: Виже-Лебренъ — Peint par Vigée Lebrun

Графиня Екатерина Васильевна Литта, 1761-1829 | La Comtesse Catherine Vassiliewna Litta, 1761-1829

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ - Manufacture des papiers de l'État

Графъ НИКИТА ПЕТРОВИЧЪ ПАНИНЪ, 1771—1837, сынъ гр. Петра Ивановича и второй его жены Маріи Родіоновны, рожд. Ведель, воспитывался сначала въ Петербургѣ у дяди, гр. Н. И. Панина, которому былъ порученъ послѣ смерти матери отцомъ; когда гр. Никита Ивановичъ умеръ, въ 1783 г., Никита Петровичъ возвратился къ отцу, проживавшему въ Москвѣ, и занимался дома изученіемъ военныхъ наукъ. Извѣстный, какъ „первый враль" и „персональный оскорбитель" Императрицы Екатерины, гр. Петръ Ивановичъ внушалъ сыну привязанность къ наслѣднику престола, и когда Великій Князь отправился въ Финляндію для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ шведовъ, Панинъ отправилъ къ нему сына волонтеромъ; здѣсь онъ получилъ чинъ бригадира. По возвращеніи изъ похода, Панинъ женился на гр. Софіи Владиміровнѣ Орловой. Отсутствіе женскаго вліянія при воспитаніи Никиты Петровича, постоянное пребываніе у опальныхъ, и потому раздражительныхъ и упорныхъ, отца и дяди вреднымъ образомъ отразились на его характерѣ: это былъ человѣкъ крутой, прямолинейный, съ непомѣрно развитымъ честолюбіемъ, съ ледяною внѣшностію; при одномъ взглядѣ на его высокую, сухую фигуру, съ неподвижнымъ лицомъ и рѣзкимъ, холоднымъ взглядомъ многіе чувствовали къ нему антипатію. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что, поступивъ въ 1791 г., послѣ смерти отца, на службу ко двору Великаго Князя Павла Петровича, Панинъ недолго удержался при немъ; поводомъ послужила ссора его съ Великимъ Княземъ, не уступавшимъ ему въ суровомъ нравѣ. Очевидно, Панинъ не нравился и Екатеринѣ: назначивъ его въ 1793 г. камергеромъ, она не хотѣла дать ему дипломатической службы, которой онъ добивался, и въ 1795 г. назначила его въ Гродно губернаторомъ и командиромъ бригады. Императоръ Павелъ, по вступленіи на престолъ, назначилъ его членомъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, а затѣмъ, въ Августѣ 1797 г.— полномочнымъ министромъ въ Берлинъ. Ему поручено было, главнымъ образомъ, содѣйствовать сближенію Франціи съ Россіей. Панинъ обнаружилъ въ Берлинѣ недюжинныя способности, но, враждебно настроенный противъ Франціи, велъ свою политику: онъ самъ способствовалъ неудачѣ переговоровъ и, наоборотъ, всячески старался содѣйствовать сближенію Австріи съ Пруссіей. „Медіація" Панина не имѣла, однако, успѣха, и онъ былъ отозванъ въ Петербургъ, гдѣ въ 1799 г. назначенъ вице-канцлеромъ, въ моментъ разрыва Россіи съ Франціей. Дальнѣйшій ходъ дѣлъ былъ, однако, не по душѣ Панину: коварство Австріи и Англіи побудило Императора Павла выйти изъ коалиціи противъ Франціи и даже угрожать бывшимъ своимъ союзникамъ войною; мало того, подъ вліяніемъ Ростопчина, началось сближеніе Россіи съ Франціей. Горячій сторонникъ союза съ Австріей и Англіей, Панинъ, въ началѣ 1800 г. пожалованный дѣйств. тайн. совѣтникомъ, остался внѣ всякаго вліянія на дѣла. Тогда-то началась агитаціонная дѣятельность Панина, который завелъ сношенія съ англійскимъ посломъ Витвортомъ и, дѣйствуя заодно съ нимъ и вице-адмираломъ де-Рибасомъ, думалъ воспользоваться неудовольствіемъ общества, чтобы заставить Императора отказаться отъ престола въ пользу Великаго Князя Александра Павловича. Осенью 1800 г. главой заговора, задуманнаго Панинымъ, сдѣлался гр. Паленъ. Въ половинѣ Ноября 1800 г. Панинъ былъ отставленъ отъ должности вице-канцлера, съ назначеніемъ въ Сенатъ, а въ Декабрѣ высланъ въ свое имѣніе Дугино, Смоленской губерніи, но затѣмъ ему скоро разрѣшено было жить въ окрестностяхъ Москвы. Воцарившійся 12 Марта 1801 г. Императоръ Александръ вызвалъ Панина въ Петербургъ и назначилъ его членомъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ. Но лица, окружавшія молодого Государя, не сходились во взглядахъ съ Панинымъ, а Императрица Марія Ѳеодоровна громко осуждала поведеніе Панина въ годъ, предшествовавшій кончинѣ Императора Павла. 30 Сентября 1801 г. Панинъ, по прошенію, уволенъ былъ отъ службы и уѣхалъ за границу. По возвращеніи въ Россію, ему объявлено было воспрещеніе жить въ столицахъ, а когда, въ концѣ 1806 г., Смоленское дворянство избрало его начальникомъ земской милиціи, правительство не утвердило этого выбора. Опала Панина продолжалась и въ царствованіе Императора Николая I.

Склонный ко всему сверхъестественному и чудесному, онъ занимался въ деревенской глуши изученіемъ разныхъ таинственныхъ наукъ и магнетизма, при чемъ результаты своихъ изысканій диктовалъ сыну Виктору Никитичу, исписавшему цѣлые фоліанты.

Графъ Н. П. Панинъ умеръ 1 Марта 1837 г. въ Дугинѣ, гдѣ и погребенъ.

(Съ портрета Вуаля, принадлежащаго графинѣ С. В. Паниной, с. Марфино, Московск. губ.)

Le comte NIKITA PÉTROWITCH PANINE, 1771—1837, fils du comte Pierre Ivanowitch Panine et de sa seconde femme, Marie Rodionowna, née Wedel, fut élevé d'abord à St-Pétersbourg chez son oncle, le comte N. Panine, aux soins duquel il fut remis par son père après la mort de sa mère. Quand cet oncle mourut, en 1783, il retourna chez son père, qui habitait alors Moscou, et s'adonna à l'étude des sciences militaires. Renommé comme „le premier hâbleur" et comme „offenseur personnel" de l'Impératrice Catherine, le comte Pierre Panine sut inspirer à son fils de l'attachement pour l'Héritier présomptif, et, quand le Grand-Duc partit pour la Finlande faire campagne contre les Suédois, l'envoya avec lui comme volontaire. Revenu avec rang de brigadier, le jeune Panine épousa la princesse Sophie Vladimirowna Orloff. L'absence de toute influence féminine dans son éducation, son séjour constant chez son père ou son oncle, gens en disgrâce, et, par conséquent irritables et butés, eurent sur son caractère une influence funeste: c'était un homme raide, cassant, d'un amour-propre démesuré, d'un extérieur de glace; dès l'abord, ce grand corps sec, ce masque impassible au regard dur et froid, inspiraient souvent de l'antipathie. Aussi, rien d'étonnant si, entré au service à la Cour du Grand-Duc Paul Pétrowitch en 1791, à la mort de son père, Panine n'y reste pas longtemps: il n'avait pas tardé à se disputer avec le Grand-Duc, qui n'avait guère meilleur caractère que lui. Il ne plut sans doute pas davantage à Catherine; après l'avoir nommé chambellan en 1793, elle ne voulut pas lui donner de service diplomatique, comme il le désirait, et, en 1795, l'envoya à Grodno comme gouverneur et commandant de brigade. L'Empereur Paul, à son avènement, le nomma membre du Collège des Affaires étrangères, puis, en août 1797, ministre plénipotentiaire à Berlin. Il avait pour mission essentielle de travailler au rapprochement de la France et de la Russie. Panine fit preuve à Berlin de capacités peu communes, mais, personnellement hostile à la France, il y fit sa politique à lui: ce fut lui-même qui empêcha les pourparlers d'aboutir, pour travailler par contre de toutes ses forces au rapprochement de l'Autriche avec la Prusse. La „médiation" de Panine n'eut d'ailleurs aucun succès, et il fut rappelé à Pétersbourg, où on le nomma vice-chancelier en 1799, au moment de la rupture avec la France. La tournure que prirent les événements ne répondit pas à ses désirs: la perfidie de l'Autriche et de l'Angleterre obligèrent l'Empereur Paul à se retirer de la coalition contre la France et même de menacer de la guerre ses anciens alliés; bien plus, sous l'influence de Rostoptchine, s'établissait un rapprochement entre la Russie et la France. Ardent partisan de l'alliance avec l'Autriche et l'Angleterre, Panine, nommé au commencement de 1800 conseiller privé actuel, resta entièrement à l'écart des affaires. Ce fut alors qu'il commença à faire de l'agitation: il noua des relations avec l'ambassadeur d'Angleterre Withworth, et, de concert avec lui et le vice-amiral de Ribas, eut l'idée de mettre à profit le mécontentement de la société pour obliger l'Empereur à renoncer au trône en faveur du Grand-Duc Alexandre Pavlowitch. A l'automne de 1800, la direction du complot fomenté par Panine fut prise par le comte Pahlen. Au milieu de novembre, Panine fut destitué de sa fonction de vice-chancelier et nommé au Sénat, puis, en décembre, envoyé dans ses terres de Douguino, gouv. de Smolensk; il ne tarda pas, cependant, à recevoir l'autorisation d'habiter aux environs de Moscou. Mis en possession du pouvoir le 12 mars 1801, l'Empereur Alexandre le fit venir à Pétersbourg et le nomma membre du Collège des Affaires étrangères. Mais l'entourage du jeune Empereur ne partageait pas les vues de Panine, et l'Impératrice Marie condamnait tout haut son attitude dans l'année qui avait précédé la fin de l'Empereur Paul. Le 30 septembre 1801, Panine donna sa démission et partit pour l'étranger. A son retour en Russie, il se vit interdire le séjour des capitales, et lorsqu'à la fin de 1806, la noblesse de Smolensk l'élut chef de la milice locale, le gouvernement ne confirma pas l'élection. La disgrâce de Panine ne cessa pas sous le règne de l'Empereur Nicolas.

Porté vers tout ce qui touchait au surnaturel et au merveilleux, il s'occupa au fond de sa campagne de diverses sciences occultes et de magnétisme, dictant les résultats de ses recherches à son fils, qui en remplit des in-folios entiers.

Le comte Panine mourut le 1er mars 1837 à Douguino, où il fut inhumé.

(D'après l'original de Voille, propriété de la comtesse S. Panine, Marfino, gouv. de Moscou.)

Пис. Вуаль | Peint par Voille

Графъ Никита Петровичъ Панинъ, 1771–1837

Le Comte Nikita Pétrowitch Panine, 1771–1837

32

Графиня **СОФІЯ ВЛАДИМІРОВНА ПАНИНА**, 1774—1844, супруга вице-канцлера графа Панина, дочь графа Владиміра Григорьевича Орлова, родилась 6 Ноября 1774 г.; въ 1790 г. вышла замужъ за графа Никиту Петровича Панина; извѣстна была своей благотворительною дѣятельностью, въ особенности заботами объ улучшеніи быта принадлежавшихъ ей крѣпостныхъ крестьянъ. По характеру она была полной противоположностью своему мужу, человѣку сухому и упорному; по отзыву современниковъ, „sa femme était une personne douce, aimable, d'un cœur bienveillant". Раздѣляя опальную судьбу своего мужа, она большую часть своей жизни провела въ Москвѣ и въ селѣ Дугинѣ, Смоленской губерніи. Умерла, 70 лѣтъ, 7 Января 1844 года.

Имѣла двоихъ сыновей: гр. Александра (р. 1791 г.; † 15 Февр. 1850 г.) и гр. Виктора (р. 18 Апр. 1801 г., † 12 Апр. 1874 г.; извѣстный министръ Юстиціи), и 3 дочерей, умершихъ незамужними: гр. Софію (р. 1797 г., † 26 Дек. 1853 г.), гр. Аделаиду (р. 1798 г., † 17 Апр. 1829 г.) и гр. Вѣру (р. 1808 г., † 9 Апр. 1841 г.).

(Съ портрета Вуаля 1791 г.; собственность графини С. В. Паниной, с. Марфино, Московск. губ.)

32

La comtesse **SOPHIE VLADIMIROWNA PANINE**, 1774—1844, femme du vice-chancelier comte Panine et fille du comte Vladimir Grigoriewitch Orloff, naquit le 6 novembre 1774. En 1790, elle épousa le comte Nikita Panine. Elle était réputée pour sa bienfaisance, et, en particulier, pour le souci qu'elle prenait de l'amélioration de la condition de ses serfs. De caractère, elle était absolument l'opposé de son mari, homme sec et raide; au témoignage d'un contemporain, „sa femme était une personne douce, aimable, d'un cœur bienveillant". Partageant la disgrâce de son mari, elle passa une grande partie de sa vie à Moscou et au village de Douguino, gouv. de Smolensk. Elle mourut, à l'âge de 70 ans, le 7 janvier 1844.

Elle eut deux fils, le comte Alexandre (1791—15 fév. 1850) et le comte Victor (18 avr. 1801—12 avr. 1874, ministre de la Justice), et trois filles, qui ne furent pas mariées, la comtesse Sophie (1797—26 déc. 1853), la comtesse Adélaïde (1798—17 avr. 1829) et la comtesse Véra (1808—9 avr. 1841).

(D'après l'original de Voille (1791), propriété de la comtesse S. Panine, Marfino, gouv. de Moscou.)

Пис: Вуаль, 1791 — Peint par Voille, 1791

Графиня Софія Владиміровна Панина, 1774-1844

La Comtesse Sophie Vladimirowna Panine, 1774-1844

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Графъ АРКАДІЙ ИВАНОВИЧЪ МОРКОВЪ, 1747—1827, сынъ надв. совѣтника Ивана Николаевича отъ брака съ Прасковіею Федоровною Кутузовою, родился 6 Января 1747 г. Блестяще окончивъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, поступилъ въ 1764 г. переводчикомъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ. Проницательный умъ, выдающіяся способности, трудолюбіе и рѣдкое знаніе иностранныхъ языковъ обезпечили ему дальнѣйшую дипломатическую карьеру. Побывавъ при цѣломъ рядѣ русскихъ миссій за границей и съ посольствомъ кн. Репнина въ Константинополѣ, въ 1782 г. посланъ министромъ въ Голландію, откуда ѣздилъ въ Парижъ для участія въ конгрессѣ послѣ окончанія Сѣверо-американской войны за освобожденіе. Назначенный послѣ этого въ Швецію, въ 1785 г. Морковъ явился въ Стокгольмъ, гдѣ вскорѣ навлекъ на себя неудовольствіе Густава III своими связями съ недовольнымъ дворянствомъ; отозванный въ слѣдующемъ же году, назначенъ членомъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ и сдѣлался ближайшимъ сотрудникомъ Безбородки. Заручившись расположеніемъ Зубова, онъ сдѣлался лично извѣстенъ Государынѣ, поручившей ему всю свою личную дипломатическую переписку, и получилъ цѣлый рядъ щедрыхъ наградъ: чинъ тайнаго совѣтника, Александровскую ленту и звѣзду св. Владиміра 1-й ст., большой домъ въ Петербургѣ, городъ Летичевъ съ ключемъ и 4000 душъ въ Подоліи и Бѣлоруссіи, наконецъ, 2 Іюня 1796 г., возведенъ (вмѣстѣ съ братьями) въ графское Священной Римской Имперіи достоинство. Безбородко увидѣлъ въ немъ серіознаго и опаснаго противника, борьба съ которымъ, благодаря его хитрости и выдающимся дипломатическимъ способностямъ, была не легка, зато неудача переговоровъ гр. Моркова съ Густавомъ IV по поводу брака съ Великой Княжной Александрой Павловной—была торжествомъ для перваго. Императоръ Павелъ отставилъ Моркова отъ службы и выслалъ въ деревни, конфисковавъ его домъ въ Петербургѣ и г. Летичевъ. Пожалованный въ дѣйствит. тайные совѣтники Александромъ I, Морковъ былъ назначенъ посломъ въ Парижъ, гдѣ сразу сталъ во враждебныя отношенія къ первому консулу, въ которомъ видѣлъ выскочку и воплощеніе якобинства и революціи. Какъ представитель Россіи, онъ держалъ себя гордо, временами излишне рѣзко и даже вызывающе; среди общаго низкопоклонства дипломатическаго корпуса, онъ не гнулъ спины передъ честолюбивымъ корсиканцемъ и не поднялъ платка, какъ бы нечаянно уроненнаго Наполеономъ; по желанію послѣдняго, въ Октябрѣ 1803 г., Морковъ былъ отозванъ, предварительно награжденный, впрочемъ, Андреевской лентой. Въ слѣдующемъ году онъ вышелъ въ отставку и жилъ частью въ Москвѣ, частью въ своемъ любимомъ имѣніи, селѣ Войтовцахъ, Подольской губерніи. Въ 1820 г. назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, но участія въ дѣлахъ уже не принималъ.

Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей конца XVIII и начала XIX вѣка, гр. Морковъ былъ дипломатъ школы Екатерины II и Безбородки: онъ высоко держалъ русское знамя и умѣлъ твердо стоять на стражѣ чести Россіи и русскихъ интересовъ, за что, можетъ-быть, и не заслужилъ лестныхъ отзывовъ о себѣ иностранцевъ, къ чему такъ чувствительна была послѣдующая русская дипломатія. Онъ былъ очень находчивъ и остроуменъ, временами очень заносчивъ и рѣзокъ, временами вкрадчивъ и изысканно вѣжливъ, его устарѣлыя манеры придворнаго вѣка Екатерины дали ему прозвище „русскаго маркиза". Карамзинъ называетъ Моркова „знаменитымъ въ хитростяхъ дипломатическихъ", Грибовскій пишетъ, что онъ былъ „надмененъ, лукавъ, себялюбивъ и скупъ", Шишковъ говоритъ, что онъ имѣлъ „острый умъ и любилъ всегда подшучивать надъ другими, многіе не любили его за насмѣшливый нравъ". Выразительные глаза и саркастическая улыбка оживляли его некрасивое, рябоватое лицо. Говорятъ, что когда Екатерина II хотѣла его женить на своей интимной любимицѣ фрейлинѣ Аннѣ Степановнѣ Протасовой, особѣ далеко не красивой, Морковъ отказался отъ этого брака, сказавъ: „Она дурна, я дуренъ, что же мы съ нею будемъ только безобразить родъ человѣческій". Онъ такъ и остался не женатымъ, но отъ французской актрисы Гюсъ имѣлъ дочь Варвару Аркадіевну (род. 5 Апр. 1797 г., † 6 Февр. 1835 г.; за кн. С. Я. Голицынымъ), получившую въ 1801 г. титулъ и фамилію отца. Морковъ дожилъ до глубокой старости, теряя постепенно физическія и умственныя силы. Карты сдѣлались его единственной страстью, и за нѣсколько часовъ до смерти, послѣ предсмертной исповѣди, онъ будто бы сказалъ: „Теперь мнѣ нечего дѣлать: чтобы разогнать скуку, займемся вистомъ". Онъ скончался 29 Января 1827 г. и погребенъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

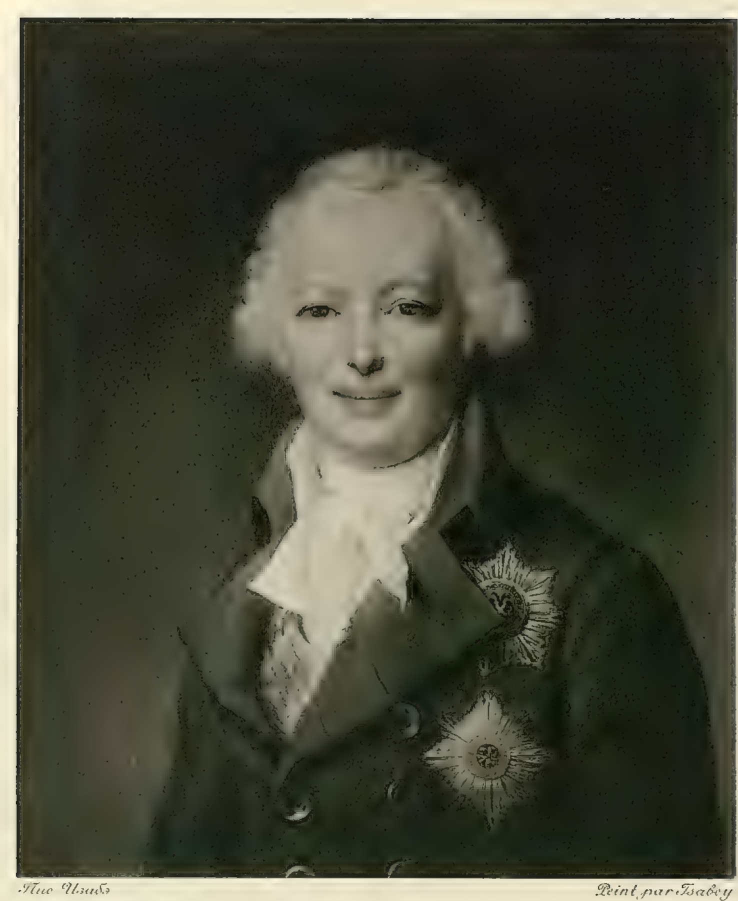
(Съ портрета, писаннаго Изабэ; собственность князя Н. П. Оболенскаго, Москва.)

Le comte ARCADE IVANOWITCH MORKOFF, 1747—1827, fils du conseiller de cour Ivan Nikolaewitch Morkoff et de Prascovie Féodorowna, née Koutouzoff, naquit le 6 janvier 1747. Après avoir brillamment passé les examens de sortie de l'université de Moscou, il entra en 1764 comme drogman au Collège des Affaires étrangères. Son esprit pénétrant, ses éminentes capacités, son amour du travail et sa connaissance peu commune des langues étrangères lui assurèrent comme diplomate une carrière d'avenir. Après avoir passé par une série de missions russes à l'étranger et fait partie de l'ambassade du comte Repnine à Constantinople, il fut envoyé, en 1782, comme ministre en Hollande, d'où il se rendit à Paris au Congrès qui suivit la guerre de l'Indépendance nord-américaine. Nommé ensuite en Suède, il alla, en 1785, à Stockholm, où il ne tarda pas à se faire mal voir de Gustave III pour ses relations avec les mécontents de la noblesse; rappelé dès l'année suivante, il fut nommé membre du Collège des Affaires étrangères et devint le premier collaborateur de Bezborodko. Grâce à Zouboff, dont il sut s'assurer la faveur, il se fit personnellement connaître à l'Impératrice, qui lui confia toute sa correspondance diplomatique personnelle et lui conféra toute une série de généreuses récompenses: le titre de conseiller privé, le cordon de St-Alexandre et l'étoile de St-Vladimir de 1e classe, un grand immeuble à Pétersbourg, la ville de Létitcheff avec une source et 4000 serfs en Podolie et en Russie Blanche, et enfin, pour lui et ses frères, la dignité de comte du Saint Empire Romain. Bezborodko sentit en lui un sérieux et dangereux adversaire, difficile à combattre en raison de son caractère rusé et de ses éminentes capacités diplomatiques, mais aussi goûta un vrai triomphe lors de l'insuccès des pourparlers engagés par Morkoff avec Gustave IV pour un projet de mariage de la Grande-Duchesse Alexandra Pavlowna. L'empereur Paul l'éloigna du service, l'envoya dans ses terres, lui confisqua sa maison de Pétersbourg et la ville de Létitcheff. Fait conseiller privé actuel, Morkoff fut envoyé à Paris comme ambassadeur: il y fut d'emblée en antagonisme avec le Premier Consul, dans lequel il ne voyait qu'un parvenu et l'incarnation du jacobinisme et de la révolution. Comme représentant de la Russie, il eut une attitude fière, parfois hautaine à l'excès et même provocante; au milieu de la servilité générale du corps diplomatique, il ne courba pas l'échine devant l'ambitieux Corse et ne ramassa pas le mouchoir tombé comme par inadvertance des mains de Napoléon; sur la demande de celui-ci, en octobre 1803, Morkoff fut rappelé, après avoir d'ailleurs reçu au préalable le cordon de St-André. L'année suivante il prit sa retraite, partageant son temps entre Moscou et sa terre préférée de Voïtovtzy en Podolie. En 1820, il fut nommé membre du Conseil de l'Empire, mais sans l'être de fait.

L'un des personnages russes les plus remarquables de la fin du XVIIIe et du commencement du XIXe siècle, le comte Morkoff fut un diplomate de l'école de Catherine et de Bezborodko: défenseur énergique de l'honneur et des intérêts de la Russie, il tint haut et ferme le drapeau russe, ce qui ne fut sans doute pas sans lui aliéner l'appréciation des étrangers, à laquelle se montra si sensible dans la suite la diplomatie russe. Il était très ingénieux et spirituel, tantôt très taquin et vif d'expression, tantôt obséquieux et d'une politesse recherchée: ses manières démodées de vieux courtisan du temps de Catherine lui avaient valu le sobriquet du „marquis russe“. Karamzine le qualifie de „rompu aux astuces de la diplomatie“; Gribowsky le représente comme „hautain, sournois, égoïste et avare“. Chichkoff prétend qu'il avait „un esprit piquant, aimait plaisanter les autres et que son caractère moqueur lui avait suscité de nombreuses inimitiés“. Des yeux expressifs et un sourire sarcastique animaient son visage disgracieux et marqué de petite vérole. On dit que, comme Catherine voulait le marier à sa favorite préférée, la demoiselle d'honneur Anne Stépanowna Protassoff, qui était loin d'être belle, Morkoff refusa en disant: „Elle est laide, moi aussi: nous ne serions bons à nous deux qu'à défigurer le genre humain“. Il resta sans se marier, mais il eut d'une actrice française une fille, Varvara (3 avr. 1797—6 fév. 1835), qui reçut en 1801 le titre et le nom de son père et épousa le prince S. Golitzyne. Morkoff parvint à une vieillesse avancée, perdant successivement ses forces physiques et intellectuelles. Les cartes restèrent son unique passion: quelques heures avant sa mort, après s'être même confessé, il aurait dit: „Maintenant je n'ai rien à faire: pour passer le temps, faisons un whist“. Il mourut le 29 janvier 1827 et fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky, au cimetière St-Lazare.

(D'après l'original d'Isabey, propriété du prince N. Obolensky, Moscou.)

33



Пис. Изабэ | Peint par Isabey

Графъ Аркадій Ивановичъ Морковъ, 1747-1827 | Le Comte Arcade Ivanowitch Morkoff, 1747-1827

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

АЛЕКСѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ОЛЕНИНЪ, 1763—1843, сынъ статск. совѣтн. Николая Яковлевича отъ брака съ княжной Анной Семеновной Волконской, родился въ Москвѣ 28 Ноября 1763 г.; въ 1774 г. былъ отвезенъ въ домъ родственницы, извѣстной княгини Е. Р. Дашковой и, по повелѣнію Екатерины II, принятъ въ Пажескій корпусъ, а въ 1780 г. отправленъ въ Дрезденскую Артиллерійскую школу, гдѣ въ теченіе пяти лѣтъ занимался съ особенною любовью исторіей, древностями и искусствами. По возвращеніи въ Россію, служилъ въ артиллеріи, и въ Маѣ 1786 г., избранъ въ члены Россійской академіи за составленное имъ „толкованіе многихъ военныхъ русскихъ старинныхъ реченій". Съ 1789 по 1795 г. Оленинъ служилъ въ Псковскомъ драгунскомъ полку и принималъ участіе въ Шведской и Польской кампаніяхъ. Поступивъ, въ Апрѣлѣ 1795 г., въ Ассигнаціонный банкъ, онъ вскорѣ сдѣланъ былъ управляющимъ конторой о покупкѣ металловъ, а затѣмъ—и управляющимъ Монетнымъ Дворомъ. Съ Октября 1799 г. служилъ уже въ Сенатѣ—оберъ-прокуроромъ 3-го Департамента и управляющимъ Юнкерской школой. Пожалованный, въ Апрѣлѣ 1801 г., званіемъ статсъ-секретаря, 19 Февраля 1803 г. назначенъ товарищемъ министра Удѣловъ, съ конца же 1806 г. управлялъ Канцеляріей Главнокомандующаго земскимъ войскомъ 1-й области и въ теченіе года (1807—1808) исправлялъ должность дежурнаго генерала; послѣ распущенія милиціи былъ опредѣленъ (27 Апрѣля 1808 г.) помощникомъ директора Императорскихъ библіотекъ. 1-го Января 1810 г., произведенный въ тайные совѣтники, назначенъ статсъ-секретаремъ Департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ Государственнаго Совѣта и съ Апрѣля 1812 г., до назначенія своего членомъ Государственнаго Совѣта (29 Апрѣля 1827 г.), несъ обязанности Государственнаго секретаря. Съ 13 Октября 1811 г. онъ, кромѣ того, состоялъ директоромъ Имп. Публичной библіотеки, для которой много потрудился; въ число библіотекарей онъ привлекъ лучшихъ нашихъ писателей (Крыловъ, Гнѣдичъ, Батюшковъ, Востоковъ, Дельвигъ и др.) и не мало содѣйствовалъ внутреннему устройству и обогащенію этого книгохранилища. Еще болѣе плодотворна была дѣятельность Оленина въ Имп. Академіи Художествъ, президентомъ которой былъ назначенъ 17 Апрѣля 1817 г. Широко образованный, съ глубокой и искренней любовью къ искусству, Оленинъ заботился о дѣятеляхъ на поприщѣ искусствъ и являлся для нихъ меценатомъ въ лучшемъ значеніи этого слова, помогая имъ и дѣломъ, и совѣтомъ. Горячая, безкорыстная преданность интересамъ отечественныхъ наукъ и искусствъ заставляетъ забывать о тѣхъ чертахъ его характера, на которыя указываютъ нѣкоторые его современники, а именно — о его „ласкательствѣ" и заискиваніи передъ сильными, о его, граничившихъ съ хитростью, дипломатическихъ уловкахъ, скрытности и крайней осторожности въ обращеніи и сужденіяхъ. Въ исторіи нашего просвѣщенія первой трети XIX вѣка не малую роль сыгралъ знаменитый салонъ Олениныхъ; домъ ихъ въ Петербургѣ, и въ извѣстномъ „Пріютинѣ", сосредоточивалъ въ себѣ дѣятелей на разныхъ поприщахъ науки и искусства. По словамъ одного изслѣдователя, „нѣтъ біографіи отечественнаго писателя, отъ Державина до Пушкина, въ которой не было бы страницы, посвященной памяти Оленина; не было художника и артиста, котораго Оленинъ обошелъ бы своимъ вниманіемъ или не принялъ радушно въ своей гостиной", гдѣ центромъ являлась привѣтливая, до карикатурности миніатюрная фигурка самого хозяина, съ умнымъ, выразительнымъ лицомъ и живыми глазами. Талантливый художникъ, глубокій знатокъ классическихъ и русскихъ древностей, ученый, писатель, археологъ и историкъ, энергичный и просвѣщенный администраторъ, Оленинъ, котораго Императоръ Александръ, по справедливости, прозвалъ Tausendkünstler'омъ, имѣетъ полное право на видное мѣсто въ исторіи нашей культуры.

Оленинъ скончался 17 Апрѣля 1843 г. и погребенъ на Тихвинскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. Отъ брака съ Елизаветой Марковной Полторацкой (род. 2 Мая 1768 г., скон. 3 Іюля 1838 г.) Оленинъ имѣлъ трехъ сыновей и двухъ дочерей; изъ нихъ Петръ былъ талантливый художникъ-любитель, а дочь Анна Алексѣевна (р. въ 1808 г., † 1888 г.), извѣстная умомъ и красотою, была воспѣта Козловымъ, Гнѣдичемъ, Крыловымъ, Веневитиновымъ и Пушкинымъ; послѣдній былъ влюбленъ въ нее и искалъ ея руки, но безъ успѣха; она въ 1840 г. вышла за Ѳ. А. Андро-де-Ланжерона, впослѣдствіи сенатора.

(Съ портрета Варнека, находящагося въ Имп. Академіи Художествъ, въ С.-Петербургѣ.)

ALEXIS NIKOLAEWITCH OLÉNINE, 1763—1843, fils du conseiller d'état Nicolas Yakovlewitch et de la princesse Anna Sémenowna Wolkonsky, naquit à Moscou le 28 novembre 1763; en 1774, il fut confié à une parente, la célèbre princesse Dachkoff, et, sur l'ordre de Catherine II, admis au Corps des Pages, puis, en 1780, envoyé à l'Ecole d'Artillerie de Dresde, où il passa cinq ans à s'occuper avec un goût particulier d'histoire, d'antiquités et d'arts. De retour en Russie, il prit du service dans l'artillerie, et, en mai 1786, fut élu membre de l'Académie Russe pour son travail „Explication de vieilles expressions militaires russes". De 1789 à 1795, Olénine servit aux dragons de Pskoff et fit les campagnes de Suède et de Pologne. Entré en avril 1795 à la Banque des Assignats, il ne tarda pas à recevoir la direction du Bureau pour les achats de métal, puis celle de la Monnaie. En octobre 1799, il siégeait déjà au Sénat comme premier procureur du 3e département et était directeur de l'Ecole de sous-officiers. Gratifié, en avril 1801, du titre de secrétaire d'Etat, il fut nommé, le 19 février 1803, ministre adjoint des Domaines, depuis la fin de 1806, dirigea la chancellerie du commandant en chef de la milice de la 1e région, et exerça pendant un an (1807—1808) la charge de général de service; la milice dissoute, il fut nommé (27 avril 1808) adjoint au directeur des bibliothèques Impériales. Le 1er janvier 1810, il fut fait conseiller privé, secrétaire d'Etat du département des affaires civiles et ecclésiastiques au Conseil de l'Empire, et, à partir d'avril 1812, avant d'être nommé membre du Conseil de l'Empire, remplit les fonctions de secrétaire de l'Empire. Il fut en outre, depuis le 13 octobre 1811, directeur de la Bibliothèque Impériale Publique, pour laquelle il fit beaucoup: il y prit comme bibliothécaires les meilleurs de nos écrivains, Kryloff, Gnéditch, Batiouchkoff, Vostokoff, Delvig, etc., et contribua largement à améliorer l'organisation et à enrichir les collections. Plus féconde encore fut son activité à l'Académie des Beaux-Arts, dont il fut nommé président le 17 avril 1817. Avec son savoir étendu, son sincère et profond amour de l'art, il s'intéressa aux artistes et fut pour eux un mécène au meilleur sens du mot, ne leur ménageant ni l'assistance matérielle, ni les conseils. La chaleur et le désintéressement qu'il mit à se dévouer aux intérêts des sciences et des arts en Russie fait oublier certains traits de caractère signalés par quelques contemporains: de l'obséquiosité près des puissants, une diplomatie raffinée confinant à la rouerie, de la dissimulation, et une extrême circonspection dans ses relations et ses jugements. Dans l'histoire de notre progrès intellectuel jusqu'après les années trente, le célèbre salon des Olénine joua un rôle considérable: leur maison de Pétersbourg et leur fameux „Priyoutino" furent le point de rassemblement de tous les travailleurs de la science ou de l'art. „Il n'y a pas", dit un érudit, „une biographie d'écrivain national, de Derjavine à Pouchkine, qui ne renferme une page consacrée à la mémoire d'Olénine; il n'y eut pas un artiste qui ne fût l'objet de son attention et le bienvenu dans son salon", dont le centre était l'accueillante personne, ridiculement minuscule, du maître lui-même, avec sa figure spirituelle et expressive et ses yeux vifs. Artiste de talent, connaisseur profond des antiquités classiques et russes, savant, écrivain, archéologue et historien, administrateur énergique et intelligent, Olénine, que l'Empereur Alexandre avait à juste titre surnommé „Tausendkünstler", a bien droit à une place marquante dans l'histoire de notre culture.

Olénine mourut le 17 avril 1843 et fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky, au cimetière Tikhvinsky. De son mariage avec Elisabeth Markowna Poltoracki (2 mars 1768—3 juillet 1838) il eut trois fils et deux filles: son fils Pierre fut, comme artiste, un amateur de talent, et sa fille Anna (1808—1888), réputée pour son esprit et sa beauté, fut chantée par Kozloff, Gnéditch, Kryloff, Vénévitinoff et Pouchkine; celui-ci fut amoureux d'elle et rechercha sa main, mais sans succès: elle épousa, en 1840, Andreau de Langeron, par la suite sénateur.

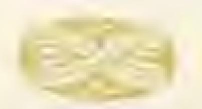
(D'après l'original de Warneck, Académie Impériale des Beaux-Arts, St-Pétersbourg.)

34

Пис. Варнекъ

Peint par Warnek

Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, 1763–1843	Alexis Nikolaewitch Olénine, 1763–1843



Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Графъ АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ ТОРМАСОВЪ, 1752—1819, изъ Тверскихъ дворянъ, сынъ лейтенанта флота Петра Ивановича, родился 11 Августа 1752 года; вступилъ въ военную службу въ 1772 г. изъ пажей и скоро обратилъ на себя вниманіе Потемкина, который взялъ его съ собой въ южную армію. Здѣсь, въ 1782 г., командуя Далматскимъ гусарскимъ полкомъ, Тормасовъ усмирялъ возстаніе Крымскихъ татаръ, затѣмъ участвовалъ почти во всѣхъ дѣлахъ 2-й Турецкой кампаніи. Особенно отличился въ сраженіи при Мачинѣ, гдѣ, командуя легкой конницей на лѣвомъ крылѣ, подъ начальствомъ Кутузова, былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ побѣды, одержанной княземъ Н. В. Репнинымъ. За этотъ бой онъ получилъ сразу орденъ св. Георгія 3-й ст.; въ 1791 г. произведенъ въ генералъ-майоры; въ Польской кампаніи командовалъ уже корпусомъ и участвовалъ въ плѣненіи Костюшки при Маціовицахъ, за штурмъ же Праги получилъ золотое съ алмазами оружіе. Въ 1797 г. назначенъ шефомъ Орденскаго Кирасирскаго полка; въ 1798 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты, но въ слѣдующемъ году уволенъ отъ службы и оставался болѣе года въ отставкѣ. Снова принятъ на службу въ Ноябрѣ 1800 г. и вскорѣ назначенъ командиромъ л.-гв. Коннаго полка; на коронаціи Императора Александра I произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи. Съ 1803 по 1806 г. былъ Кіевскимъ военнымъ губернаторомъ, въ 1807 г.—Рижскимъ, съ 1808 г. по 1811 г.—главнокомандующимъ въ Грузіи, гдѣ за дѣла противъ персіанъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго съ брильянтами. Во время Отечественной войны принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ и за разбитіе саксонскаго корпуса Ренье при Кобринѣ получилъ орденъ св. Георгія 2 кл. и 50/т. рублей, а за сраженіе подъ Краснымъ—Андреевскую ленту. Цѣня его выдающіяся способности какъ военнаго администратора, Кутузовъ поручилъ ему „управленіе арміи въ самое трудное и тревожное время, когда составлялись новыя ополченія, и все совершалось въ виду грознаго непріятеля, на обширномъ пространствѣ, и при томъ въ быстромъ и тяжеломъ осеннемъ и зимнемъ походѣ". Въ 1812 г. Тормасовъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, а въ 1814 г. главнокомандующимъ въ Москвѣ; въ этой должности онъ прослужилъ до конца жизни, заслуживъ всеобщую любовь и уваженіе, хотя на его долю выпала тяжелая обязанность устройства Москвы послѣ французскаго разоренія. Жители столицы цѣнили Тормасова, который, „сохраняя законы, былъ равно внимателенъ къ богатому и бѣдному, сильному и слабому, въ чести сущему и въ убожествѣ пребывающему", какъ они писали въ адресѣ своемъ Государю. 30 Августа 1816 г. Тормасовъ былъ возведенъ въ графское достоинство Россійской Имперіи. Былъ женатъ съ 1797 г. на вдовѣ подполковника Луизѣ Филипповнѣ Дириной, рожденной фонъ-Гейкингъ († 1808 г.), отъ которой имѣлъ одного только сына Александра (р. 1807 г., † въ Мартѣ 1839 г., не женатымъ), со смертью котораго прекратился родъ графовъ Тормасовыхъ.

Графъ А. П. Тормасовъ скончался 13 Ноября 1819 г. и погребенъ въ зимней церкви Донского монастыря, въ Москвѣ.

По словамъ современника, Тормасовъ былъ высокаго роста и красавецъ въ юности. „Щеголь смолоду, онъ и въ преклонныхъ лѣтахъ былъ тщателенъ въ одеждѣ, и такимъ являлъ себя на войнѣ и въ сраженіяхъ. Вспыльчивый нравъ его умѣрялся добродушіемъ. При строгой бережливости, любилъ блескъ; подчиненные не легко выслуживали у него награды". Отъ нихъ онъ требовалъ усердія, строгаго порядка и точности. „Какъ полководецъ, онъ не ослѣплялъ блестящими качествами, но умѣлъ извлекать побѣду изъ глубокаго соображенія обстоятельствъ, мѣстности и силъ непріятеля; почиталъ выигрышемъ уже и то, если соперникъ не находитъ средствъ побѣды. Когда же для побѣды надлежало сражаться, не колебался ни минуты вступить въ бой".

(Съ портрета, находящагося въ Императорскомъ Историческомъ музеѣ, въ Москвѣ.)

Le comte **ALEXANDRE PETROWITCH TORMASSOFF**, 1752—1819, d'une famille noble de Tver, fils d'un lieutenant de la flotte, naquit le 11 août 1752. Il entra au service militaire en 1772, au sortir du Corps des Pages, et ne tarda pas à attirer l'attention de Potemkine, qui le prit avec lui à l'armée du sud. Là, en 1782, à la tête des hussards dalmates, il réprima une insurrection des Tatares de Crimée, puis fut de presque toutes les affaires de la 2e guerre de Turquie. Il se distingua particulièrement à la bataille de Matchine, où, à la tête de la cavalerie légère à l'aile gauche, sous le commandement de Koutouzoff, il fut un des principaux auteurs de la victoire du prince Repnine. Ce combat lui valut d'emblée St-Georges de 3e classe; en 1791, il fut promu général major. Dans la campagne de Pologne, il eut le commandement de tout un corps, contribua à la prise de Kosciuszko à Maciejowice, et l'assaut de Praga lui valut une épée d'or enrichie de diamants. En 1797, il fut nommé chef d'un régiment de cuirassiers; en 1798, promu général lieutenant, mais, l'année suivante, mis à la retraite pour près d'un an. Réintégré au service en novembre 1800, il fut bientôt nommé commandant du régiment de la Garde à cheval; au couronnement d'Alexandre, il passa général de cavalerie. De 1803 à 1806, il fut gouverneur militaire de Kieff, en 1806 de Riga, de 1808 à 1811, commandant en chef en Géorgie, où les affaires avec les Perses lui valurent St-Alexandre Newsky avec diamants. Lors de la Guerre Patriotique, il prit part aux opérations militaires: pour avoir détruit le corps saxon de Rénier à Kobrin, il reçut St-Georges de 2e classe et 50.000 roubles, et pour la bataille de Krasnoïé le cordon de St-André. Appréciant ses éminentes capacités d'administrateur militaire, Koutouzoff lui confia „l'administration de l'armée au moment le plus difficile et le plus troublé, où se constituaient de nouvelles levées, où tout se préparait contre un terrible ennemi, sur un espace immense, et en outre dans une rapide et pénible campagne d'automme et d'hiver". En 1812, Tormassoff fut nommé membre du Conseil de l'Empire et en 1814 commandant en chef à Moscou; il conserva cette fonction jusqu'à sa mort et sut s'y concilier l'affection et l'estime générales, malgré les difficultés de sa lourde tâche, la réorganisation de la ville après le passage des Français. Les habitants avaient une haute opinion de Tormassoff, qui, „gardien de la loi, accordait une égale attention au riche et au pauvre, au fort et au faible, à l'heureux et au malheureux", comme disait leur adresse à l'Empereur. Le 30 août 1816, Tormassoff fut élevé à la dignité de comte du Saint Empire Romain. Il avait épousé, en 1797, la veuve du lieutenant-colonel Dirine, Louise Filippowna, née von Heiking († 1808), dont il n'eut qu'un fils, Alexandre (1807—mars 1839), qui ne se maria pas et avec lequel s'éteignit la famille des comtes Tormassoff.

Le comte Alexandre Tormassoff mourut le 13 novembre 1819 et fut inhumé à Moscou, au monastère Donskoï.

Au témoignage d'un contemporain, Tormassoff fut un grand et bel homme dans sa jeunesse. „D'une mise recherchée étant jeune homme, il conserva jusqu'à un âge avancé l'habitude d'une toilette soignée, même à la guerre et dans les combats. Il avait un caractère vif, tempéré de bonhomie. Avec un rigoureux esprit d'économie, il aimait l'éclat. Sous ses ordres, on n'obtenait pas sans peine les récompenses". Il voulait partout du zèle, un ordre et une ponctualité rigoureux. „Comme homme de guerre, il n'avait peut-être pas de qualités brillantes, mais il savait arriver à la victoire par une étude approfondie des circonstances, du terrain et des forces de l'ennemi. Il considérait déjà comme un avantage d'empêcher l'adversaire de trouver le moyen de vaincre, mais quand il fallait se battre pour vaincre, il n'hésitait pas un instant à donner le combat".

(D'après un original du Musée Impérial Historique, Moscou.)

Графъ Александръ Петровичъ Тормасовъ, 1752 1819

Le Comte Alexandre Pétrowitch Tormassoff, 1752 1819

Графъ АЛЕКСѢЙ ИВАНОВИЧЪ ВАСИЛЬЕВЪ, 1742—1807, первый министръ Финансовъ, сынъ сенатскаго секретаря Ивана Васильева отъ брака съ Ириной Андреевной Володиміровой, родился 17 Февраля 1742 г. и своимъ возвышеніемъ всецѣло былъ обязанъ своимъ способностямъ и трудолюбію. Окончивъ ученіе въ юнкерской школѣ при Сенатѣ, онъ поступилъ на службу протоколистомъ въ тотъ же Сенатъ, гдѣ своимъ здравымъ умомъ, усердіемъ, безкорыстіемъ и искусствомъ въ составленіи бумагъ, обратилъ на себя вниманіе самого генералъ-прокурора князя Вяземскаго; послѣдній сдѣлалъ его правителемъ канцеляріи. Поднесенные въ 1778 г. Государынѣ труды Васильева—„Сводъ Законовъ по финансовой части", „Государственная Окладная книга" и „Наставленія Казеннымъ палатамъ"—сдѣлали его извѣстнымъ Екатеринѣ II, которая оцѣнила его дарованія и пожаловала ему 300 душъ; въ 1781 г., произведенный въ дѣйствительные статскіе совѣтники, назначенъ управляющимъ экспедиціей для ревизіи Государственныхъ счетовъ. Женитьба на немолодой уже двоюродной сестрѣ жены генералъ-прокурора, княжнѣ В. С. Урусовой, обезпечила ему окончательно расположеніе и покровительство князя Вяземскаго, и, когда тяжко больной генералъ-прокуроръ „лежалъ безъ языка, Васильевъ управлялъ гражданскимъ тѣломъ всей Имперіи", имѣя личный докладъ у Государыни. Назначеніе новаго генералъ-прокурора, Самойлова, повлекло за собой опредѣленіе Васильева сенаторомъ и директоромъ Медицинской коллегіи, 10-лѣтнее управленіе которой оставило по себѣ благотворные слѣды: онъ построилъ зданія Медико-Хирургической Академіи, снабдилъ ее учеными пособіями, привелъ въ блестящее состояніе ботаническіе сады, учредилъ въ губерніяхъ врачебныя управы... Съ воцареніемъ Павла I, Васильевъ, 4 Декабря 1796 г., былъ назначенъ Государственнымъ казначеемъ и, благодаря своимъ финансовымъ способностямъ и бережливости, въ теченіе 4 лѣтъ уменьшилъ долги и привелъ въ нѣкоторый порядокъ государственный бюджетъ. Павелъ Петровичъ далъ Васильеву цѣлый рядъ наградъ, пока въ концѣ 1800 г. не уволилъ его совсѣмъ отъ службы: въ 1796 г. онъ получилъ звѣзды св. Анны и св. Александра Невскаго, 5 Апрѣля 1797 г.—баронское достоинство и 2 т. душъ въ Саратовской губерніи, 18 Декабря 1798 г.—чинъ дѣйств. тайнаго совѣтника, 13 Марта 1799 г.—Андреевскую ленту и 20 Декабря—почетное командорство ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Александръ I возвратилъ Васильеву прежнія должности и возвелъ его въ день коронаціи, 15 Сентября 1801 г., въ графское Россійской имперіи достоинство, а въ 1802 г. назначилъ его министромъ Финансовъ. Въ послѣдніе годы его жизни, съ 1805 по 1807 г., Россія вела войну съ Франціей, требовавшую чрезвычайныхъ расходовъ, но гр. Васильевъ сумѣлъ поддержать курсъ русскаго рубля и не увеличить податей и налоговъ. 25 Іюня 1806 г. онъ получилъ орденъ св. Владиміра 1-й ст., а 15 Августа 1807 г. неожиданно скончался отъ удара. Погребенъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. Васильевъ не оставилъ мужескаго потомства, и графскій титулъ былъ переданъ его племяннику Владиміру Федоровичу Васильеву.

Федоръ Голубцовъ, сослуживецъ и преемникъ графа Васильева, „въ знакъ благодарности" поставилъ памятникъ на его могилѣ. Современники, всѣ, кромѣ Державина, съ которымъ у него были личныя недоразумѣнія, сходятся въ похвалахъ его умственнымъ дарованіямъ и душевнымъ качествамъ. „Съ проницательнымъ умомъ", по словамъ Бантышъ-Каменскаго, „онъ соединялъ доброе сердце, нравъ скромный и обходительный, отличался бережливостью, былъ трудолюбивъ, безпристрастенъ, доступенъ для каждаго, ласковъ со всѣми, никогда не предавался порывамъ гнѣва и не оскорблялъ никого словомъ, даже взглядомъ суровымъ". „Достигнувъ до сана и почестей вельможи, пробившись къ верховной степени изъ кучи приказныхъ служителей", пишетъ князь И. М. Долгорукій, лично пользовавшійся расположеніемъ гр. Васильева, „онъ никогда не воздымался тщеславной гордостью"... Онъ былъ „мужъ опытный, свѣдущій въ своемъ дѣлѣ и самыхъ кроткихъ свойствъ. Не было въ немъ генія превосходнаго, но зато навыкъ къ дѣламъ и познаніе Отечества необыкновенныя",—качества и въ то время особенно рѣдкія среди петербургскихъ вельможъ...

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность графини А. А. Васильевой-Шиловской, въ Москвѣ.)

Le comte ALEXIS IVANOWITCH VASSILIEFF, 1742—1807, premier ministre des finances, fils d'un secrétaire du Sénat et d'Irène Andréewna, née Volodimiroff, naquit le 17 février 1742 et ne dut son élévation qu'à ses mérites et à son travail. Sorti de l'Ecole de sous-officiers, il entra comme rédacteur au Sénat, où son intelligence, son zèle, son désintéressement et son habileté professionnelle attirèrent l'attention personnelle du procureur général, le prince Viazemsky, qui le mit à la tête de la chancellerie. Ses travaux, présentés à Catherine II, en 1778: „Codes de lois en matière financière", „Traité des revenus de l'Etat" et „Instructions aux Administrations financières de l'Etat", le firent connaître à la souveraine, qui apprécia son talent et le gratifia de 300 têtes de paysans. En 1781, promu conseiller d'état actuel, il fut nommé gérant de la révision des comptes de l'Etat. Son mariage avec une cousine, déjà d'un certain âge, de la femme du procureur général, la princesse V. Ouroussoff, lui assura définitivement la faveur et la protection de Viazemsky, et lorsqu'une grave maladie eut cloué celui-ci au lit, „lui ôtant l'usage de la parole, ce fut Vassilieff qui dirigea le fonctionnement de l'organisme civil de tout l'Empire", allant rendre compte personnellement à l'Impératrice. L'arrivée d'un nouveau procureur général, Samoïloff, le fit nommer sénateur et directeur du Collège de Médecine, sur lequel ses dix années d'administration eurent une bienfaisante influence: il fit élever les bâtiments de l'Académie de Médecine et de Chirurgie, l'outilla d'un matériel scientifique, fit mettre en état les jardins botaniques, fonda dans les gouvernements les commissions médicales permanentes.... A l'avènement de Paul, Vassilieff fut nommé, le 4 décembre 1796, trésorier de l'Empire, et, grâce à ses talents financiers et à son esprit d'économie, en quatre ans, eut diminué la dette et mis de l'ordre dans le budget. Il reçut de l'Empereur toute une série de récompenses, avant d'être mis à la retraite à la fin de 1800: en 1796 les étoiles de Ste-Anne et d'Alexandre Newsky, le 5 avril 1797 la dignité de baron et 2000 têtes de paysans dans le gouvernement de Saratoff, le 18 décembre 1798 le rang de conseiller privé actuel, le 13 mars 1799 le cordon de St-André et le 20 décembre le commandorat honoraire de Saint-Jean-de-Jérusalem. Alexandre Ier le réintégra dans toutes ses fonctions, et, le jour de son couronnement, le 15 septembre 1801, l'éleva à la dignité de comte de l'Empire Russe, puis, en 1802, le fit ministre des finances. Les dernières années de sa vie, de 1805 à 1807, furent celles des guerres avec la France, et, malgré les dépenses extraordinaires, il sut soutenir le cours du rouble sans élever les impôts et autres redevances: le 25 juin 1806, il reçut St-Vladimir de 1e classe. Il mourut subitement d'une attaque d'apoplexie, le 15 août 1807, et fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky, à l'église St-Lazare. Il ne laissait pas de descendance mâle, et son titre de comte passa à son neveu Vladimir Féodorowitch Vassilieff.

Son collègue et successeur Théodore Goloubtzoff fit élever un monument sur sa tombe „en signe de reconnaissance". Les contemporains, sauf Derjavine, avec lequel il avait eu des démêlés personnels, s'accordent tous à vanter ses qualités intellectuelles et morales. „A un esprit pénétrant", dit Bantych-Kamensky, „il joignait un bon cœur, un caractère modeste et affable, l'esprit d'économie, le goût du travail et l'impartialité; d'accès facile, aimable avec tout le monde, il ne se laissait jamais aller à la colère et n'eut jamais pour personne un mot ni même un regard de sévérité". „Devenu haut dignitaire, sorti de la foule des commis de chancellerie pour s'élever jusqu'au rang suprême", dit le prince I. Dolgorouky, qui eut personnellement la faveur du comte Vassilieff, „il ne se gonfla jamais d'une vaniteuse fierté".... C'était „un homme d'expérience, consommé dans sa spécialité, et d'une parfaite douceur. Sans être un génie remarquable, il était rompu aux affaires et avait de son pays une connaissance peu commune", toutes qualités alors aussi particulièrement rares chez les grands seigneurs pétersbourgeois....

(D'après l'original de Borovikowsky, propriété de la comtesse A. Vassilieff-Chilowsky, Moscou.)

36

Пис. Боровиковский — Peint par Borovikowsky

Графъ Алексѣй Ивановичъ Васильевъ, 1742-1807 | Le Comte Alexis Ivanowitch Vassilieff, 1742-1807

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

37

Графиня ВАРВАРА СЕРГѢЕВНА ВАСИЛЬЕВА, 1751—1831, дочь князя Сергѣя Васильевича Урусова отъ брака съ княжной Ириной Даниловной Друцкой, двоюродная сестра жены генералъ-прокурора князя А. А. Вяземскаго; по желанію послѣдняго, уже не молодой дѣвушкой, въ концѣ 70-хъ годовъ XVIII ст., вышла замужъ за Алексѣя Ивановича Васильева, будущаго графа, человѣка, пользовавшагося расположеніемъ и покровительствомъ генералъ-прокурора, за дѣльца, котораго ожидала впереди блестящая карьера. Бракъ съ княжной Урусовой и родство съ княземъ Вяземскимъ упрочили положеніе Васильева, вышедшаго изъ среды мелкаго дворянства и приказныхъ людей. Въ 1799 г., въ періодъ, когда мужъ ея былъ осыпанъ наградами Императора Павла I, баронесса Васильева была пожалована въ кавалерственныя дамы ордена св. Екатерины меньшаго креста. 15 Августа 1807 г. графиня Васильева овдовѣла, и Высочайшимъ указомъ 18 Августа повелѣно было „производить ей по жизнь ея полное жалованье и столовыя деньги мужа ея“. Послѣдніе годы жизни графиня Васильева провела въ Москвѣ, гдѣ и умерла 15 Сентября 1831 г. на 80-мъ году; погребена въ Донскомъ монастырѣ.

Отъ брака съ графомъ Васильевымъ имѣла двухъ дочерей: Екатерину (р. 26 Окт. 1781 г., † 23 Марта 1860 г.; въ замужествѣ за кн. С. Н. Долгорукимъ) и Марію (род. въ Январѣ 1784 г., † 21 мая 1829 г.; замужемъ за генералъ-адъютантомъ гр. В. В. Орловымъ-Денисовымъ).

(Съ портрета Боровиковскаго, принадлежавшаго (въ 1902 г.) О. С. Пашковой, въ Москвѣ.)

37

La comtesse VARVARA SERGUÉEWNA VASSILIEFF, 1751—1831, fille du prince Serge Vassiliewitch Ouroussoff et de la princesse Irène Danilowna Droutzkoy, était cousine de la femme du procureur général prince A. Viazemsky, sur le désir duquel elle épousa, déjà à un certain âge, vers la fin des années 70 du XVIIIe siècle, Alexis Vassilieff, par la suite comte, qui jouissait de la faveur et de la protection du procureur général, et auquel son habileté promettait une brillante carrière. Ce mariage, grâce à la parenté du prince Viazemsky, affermit la situation de Vassilieff, qui appartenait à la petite bourgeoisie et au monde des commis de chancellerie. En 1799, alors que son mari était comblé de récompenses par Paul Ier, la baronne Vassilieff fut faite dame de Ste-Catherine. Le 15 août 1807, la comtesse Vassilieff devint veuve, et, par un oukase du 18 août, l'Empereur ordonna qu'il lui fût servi sa vie durant le traitement complet de feu son mari. Les dernières années de sa vie, elle habita Moscou, où elle mourut le 15 septembre 1831 dans sa 80e année; elle fut inhumée au monastère Donskoï.

De son mariage avec Vassilieff elle eut deux filles: Catherine (26 octobre 1781—25 mars 1860), qui épousa le prince S. Dolgorouky, et Marie (janvier 1784—21 mai 1829) le général aide de camp comte B. Orloff-Denissoff).

(D'après l'original de Borovikowsky, ayant appartenu [en 1902] à Mme O. Pachkoff, Moscou.)

37

Пис. Боровиковскiй | Peint. par Borovikowsky

Графиня Варвара Сергѣевна Васильева, 1751-1831

La Comtesse Varvara Serguéevna Vassilieff, 1751-1831

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ – Manufacture des papiers de l'Etat

Графъ **ПЕТРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ТОЛСТОЙ**, 1769—1844, младшій братъ оберъ-гофмаршала графа Николая Александровича Толстого, началъ службу въ Преображенскомъ полку и въ 1785 г. былъ уже подполковникомъ. Въ 1792 г. участвовалъ съ корпусомъ Кречетникова въ дѣлахъ противъ поляковъ, а въ 1794 г. пожалованъ въ полковники и участвовалъ въ сраженіи при Маціовицахъ. При штурмѣ Праги, командуя двумя баталіонами, первымъ ворвался на польскую батарею, при чемъ раненъ въ руку. Необычайная отвага, выказанная Толстымъ, обратила на него вниманіе Суворова, который далъ о немъ такой лестный отзывъ, что Императрица Екатерина лично возложила на него орденъ св. Георгія 3-го кл. Въ 1799 г., будучи уже съ 1797 г. генералъ-адъютантомъ, Толстой отправленъ къ главнокомандующему Австрійской арміей эрцъ-герцогу Карлу для сношеній съ Суворовымъ, гдѣ въ этой щекотливой и отвѣтственной роли посредника выказалъ выдающіяся дипломатическія способности. Въ 1800 г. онъ назначенъ сенаторомъ, а въ 1802 г., 16 Ноября, С.-Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, въ каковой должности оставался до 13 Мая 1803 г., когда былъ назначенъ командиромъ Преображенскаго полка, въ 1805 г. командовалъ десантнымъ корпусомъ въ Помераніи и занялъ Гановеръ. Но Аустерлицкая катастрофа измѣнила все положеніе дѣлъ, и Толстой съ своимъ корпусомъ былъ отозванъ въ Россію. Въ 1806 и 1807 гг. былъ начальникомъ штаба главной арміи, и, кромѣ того, ему было поручено состоять при королѣ Прусскомъ для сношеній между нимъ и русскими войсками, шедшими на помощь Пруссіи, при чемъ на него же возложено Государемъ соглашать между собою корпусныхъ командировъ Беннигсена и Буксгевдена.

Послѣ Іенскаго разгрома Пруссіи, Толстой вернулся въ Россію и былъ назначенъ членомъ Военнаго Совѣта. Тильзитское соглашеніе и послѣдовавшія затѣмъ дружественныя сношенія съ Франціей снова вызвали графа Толстого къ дѣятельности, на этотъ разъ чисто дипломатической. Послѣ пріѣзда въ Петербургъ Савари, Государь отправилъ графа Толстого въ Парижъ въ качествѣ чрезвычайнаго посла; здѣсь онъ оставался ровно годъ, съ Октября 1807 г. по Октябрь 1808 г. Враждебное отношеніе тогдашняго Петербургскаго общества къ союзу съ Франціей выразилось въ эпиграммахъ по адресу Толстого, которому поставлено было въ вину его согласіе на поѣздку въ Парижъ, но и самъ Толстой не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ и послѣ Эрфуртскаго свиданія былъ отозванъ.

Эпоха Отечественной войны и торжество національной партіи снова вызвали графа Толстого къ дѣятельности. Въ Іюнѣ 1812 г. онъ назначается командующимъ милиціей въ 6 восточныхъ губерніяхъ и формируетъ ополченіе, во главѣ котораго принимаетъ участіе въ кампаніи 1813 г., находясь въ составѣ арміи Беннигсена. По возвращеніи въ Россію, 16 Января 1816 г., назначенъ командиромъ 4-го пѣх. корпуса; въ 1823 г., 30 Августа, пожалованъ въ члены Государственнаго Совѣта и въ 1825 г. получилъ Андреевскую звѣзду.

Въ 1828 г. Толстой былъ назначенъ начальникомъ штаба военныхъ поселеній, въ Турецкую войну 1829 года, во время пребыванія Государя въ арміи, былъ главнокомандующимъ Петербурга и Кронштадта. Во время Польскаго возстанія, Толстой былъ главнокомандующимъ резервной арміей въ Литвѣ, гдѣ вскорѣ усмирилъ возстаніе, разсѣявъ корпуса Гелгуда и Хлаповскаго. Переписка Императора Николая съ графомъ Толстымъ въ 1831 г. свидѣтельствуетъ о сердечныхъ чувствахъ дружбы и высокомъ довѣріи, которыя Государь питалъ къ этому человѣку.

По отзыву Вигеля, „графъ Толстой былъ человѣкъ усердный, вѣрный, на котораго совершенно было можно положиться: русскій въ душѣ и русскій по уму, т.-е., какъ говорится, изъ-проста лукавъ. Такіе люди съ притворною разсѣянностью, какъ бы ничего не помня, ничего не замѣчая, за всѣмъ слѣдятъ глазами зоркими и наблюдательными, ни на минуту не теряя изъ виду пользъ и чести своего отечества". Послѣдніе годы Толстой жилъ въ Москвѣ; умеръ скоропостижно 28 Сентября 1844 г. и похороненъ въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ.

Графъ П. А. Толстой былъ женатъ на княжнѣ Маріи Алексѣевнѣ Голицыной, и имѣлъ 5 сыновей: Алексѣя (1794—1864), Александра (1801—1865; оберъ-прокуроръ Синода), Егора (р. 1803), Владиміра (р. 1805) и Ивана (р. 1810), и 4 дочерей: Софію (1800—1882; за В. С. Апраксинымъ), Анну (р. 1802; за А. П. Бахметевымъ), Александру (р. 1804; за гр. А. Н. Мордвиновымъ) и Евдокію (р. 1807 г.; за гр. А. Д. Гурьевымъ).

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность А. М. Апраксиной, с. Ольгово, Московск. губ.)

Le comte PIERRE ALEXANDROWITCH TOLSTOÏ, 1769—1844, frère cadet du grand maréchal de la Cour comte Nicolas Tolstoï, débuta au service au régiment Préobragensky; en 1785, il était déjà lieutenant-colonel. En 1792, il fut avec le corps Krétchetnikoff aux affaires contre les Polonais, et, en 1794, fut promu colonel et prit part à la bataille de Maciejowice. A l'assaut de Praga, à la tête de deux bataillons, il pénétra le premier dans la batterie polonaise, et fut blessé au bras. La témérité extraordinaire dont il fit preuve attira sur lui l'attention de Souvoroff, qui fit de lui un rapport si flatteur, que l'Impératrice Catherine le décora de sa main de l'ordre de St-Georges de 3e classe. Général aide de camp depuis 1797, Tolstoï fut envoyé en 1799 à l'archiduc Charles, commandant en chef de l'armée autrichienne, pour le mettre en rapports avec Souvoroff, et, dans cette délicate et importante entremise, fit preuve d'éminentes capacités diplomatiques. En 1800, il fut nommé sénateur, et, le 16 novembre 1802, gouverneur militaire de Saint-Pétersbourg, poste qu'il quitta le 13 mai 1803 pour prendre le commandement du régiment Préobragensky; en 1805, il commanda un corps de descente en Poméranie et occupa Hanovre. Mais la catastrophe d'Austerlitz changea toute la situation, et Tolstoï fut rappelé en Russie avec son corps. En 1806 et 1807, il fut chef d'état-major à l'armée principale, et se trouva en outre attaché à la personne du roi de Prusse pour les rapports avec les troupes russes envoyées au secours de ce prince; ce fut lui aussi qui fut chargé par l'Empereur de mettre d'accord les commandants de corps Bennigsen et Buxhœwden.

Après la débâcle d'Iéna, Tolstoï fut rappelé en Russie et nommé membre du Conseil Militaire. La convention de Tilsitt et les rapports d'amitié dont elle fut le point de départ avec la France le rappelèrent aux affaires, mais cette fois dans la carrière purement diplomatique. A l'arrivée de Savary à Pétersbourg, l'Empereur envoya le comte Tolstoï à Paris comme ambassadeur extraordinaire; il y resta juste un an, d'octobre 1807 à octobre 1808. L'hostilité de la société pétersbourgeoise pour l'alliance avec la France se donna carrière dans des épigrammes à son adresse: on lui reprochait d'avoir accepté d'aller à Paris; lui-même d'ailleurs ne répondit pas aux espérances qu'on avait fondées sur lui, et, après l'entrevue d'Erfurt, il fut rappelé.

L'époque de la Guerre Patriotique et le triomphe du parti national rappelèrent encore le comte Tolstoï aux affaires. En juin 1812, il est nommé commandant de la milice dans six gouvernements de l'Est, et équipe des troupes à la tête desquelles il fait la campagne de 1813 avec l'armée de Bennigsen. A son retour en Russie, le 16 janvier 1816, il est nommé commandant du 4e corps d'infanterie; le 30 août 1823, il devint membre du Conseil de l'Empire, et, en 1825, reçut l'étoile de St-André.

En 1828, Tolstoï fut mis à la tête de l'état-major des colonies militaires; lors de la guerre de Turquie de 1829 et du séjour de l'Empereur à l'armée, il fut gouverneur général de Pétersbourg et de Kronstadt. Lors du soulèvement de Pologne, il commanda l'armée de réserve de Lithuanie, et ne tarda pas à y étouffer l'insurrection en dispersant les corps de Helgoud et de Khlapowsky. Sa correspondance avec l'Empereur Nicolas en 1831 révèle la cordiale amitié et la haute confiance que l'Empereur lui témoignait.

Au témoignage de Wiegel, „le comte Tolstoï était un homme zélé, fidèle, sur lequel on pouvait entièrement se reposer: russe de cœur et russe d'esprit, un malin sans en avoir l'air. Il était de ces gens d'apparence distraite, qui ne se rappellent rien, qui ne font attention à rien, mais qui ont en réalité l'œil au guet et ne perdent pas une minute de vue les intérêts et l'honneur de la patrie". Les dernières années de sa vie, Tolstoï habita Moscou; il mourut subitement le 28 septembre 1844 et fut inhumé à Moscou, au monastère Donskoï.

Il avait épousé la princesse Marie Alexéewna Golitzyne, qui lui donna cinq fils, Alexis (1794—1864), Alexandre (1801—1865, haut procureur du Synode), Egor (né 1803), Vladimir (né 1805) et Ivan (né 1810), et quatre filles, Sophie (1800—1882), qui épousa V. Apraxine, Anne (née 1802) A. Bakhméteff, Alexandrine (née 1804) le comte A. Mordvinoff et Eudoxie (née 1807) le comte A. Gourieff.

(D'après l'original de Borovikowsky, propriété de Mme A. Apraxine, Olgovo, gouv. de Moscou.)

Пис. Боровиковскій | Peint par Borovikowsky

Графъ Петръ Александровичъ Толстой, 1769-1844 | Le Comte Pierre Alexandrowitch Tolstoï, 1769-1844

ГАВРІИЛЪ РОМАНОВИЧЪ ДЕРЖАВИНЪ, 1743—1816, сынъ казанскаго помѣщика, подполковника Романа Николаевича и жены его Ѳеклы Андреевны Горпной, рожд. Козловой, родился въ Казани 3 Іюля 1743 года. Въ 1759 г. Державинъ поступилъ въ Казанскую гимназію, гдѣ съ особенною любовью занимался музыкою, поэзіей и рисованіемъ; въ 1762 г. онъ опредѣленъ былъ солдатомъ въ Преображенскій полкъ, гдѣ провелъ около 5 лѣтъ въ суровой казарменной обстановкѣ; 1 Января 1772 г. былъ произведенъ въ прапорщики, а въ 1773 г. взятъ былъ въ штатъ А. И. Бибикова, отправлявшагося на усмиреніе Пугачевскаго бунта. Заявивъ себя способнымъ, энергичнымъ и распорядительнымъ офицеромъ, Державинъ, изъ-за столкновеній съ графомъ П. И. Панинымъ, вернулся въ полкъ (1775 г.), вскорѣ издалъ книжку своихъ „Одъ, переведенныхъ и сочиненныхъ при горѣ Читалагаѣ", а 15 Февраля 1777 г. былъ уволенъ изъ военной службы, будучи награжденъ чиномъ коллежскаго совѣтника и 300 душъ въ Бѣлоруссіи; по этому поводу онъ написалъ стихи „Изліяніе благодарнаго сердца Имп. Екатеринѣ II". Въ Августѣ того же года назначенный экзекуторомъ въ 1 Департаментъ Сената, Державинъ въ Апрѣлѣ 1778 г. женился на Екат. Яковл. Бастидонъ, дочери кормилицы Великаго Князя Павла Петровича; бракъ его съ „Плѣнирой" былъ вполнѣ счастливъ. Въ исходѣ 1782 г. Державинъ написалъ знаменитую оду „Фелица", за которую Екатерина наградила его золотою табакеркой съ 500 червонцами. Нелады съ генералъ-прокуроромъ княземъ Вяземскимъ были поводомъ увольненія Державина въ отставку, съ чиномъ дѣйств. статскаго совѣтника (15 Февраля 1784 г.). Къ Апрѣлю 1785 г. относится появленіе въ печати одного изъ лучшихъ произведеній Державина—оды „Богъ". 22 Мая онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Петрозаводскъ, но уже въ Декабрѣ 1785 г. переведенъ въ Тамбовъ, гдѣ не поладилъ съ ген.-губ. Гудовичемъ, и былъ (18 Декабря 1788 г.) преданъ суду Сената. Заступничество Потемкина, которому онъ посвятилъ оду „Побѣдителю", спасло его. 13 Декабря 1791 г. Державину повелѣно было быть „у принятія прошеній"; 2 Сентября 1793 г. онъ былъ назначенъ сенаторомъ, а 1 Января 1794 г., кромѣ того, опредѣленъ президентомъ Коммерцъ-Коллегіи. Въ 1794 г. онъ потерялъ нѣжно любимую жену и памяти своей „Плѣниры" посвятилъ элегію „Ласточка". 31 Января 1795 г. женился вторично на Д. А. Дьяковой („Милена"). Оплакавъ въ стихахъ кончину Императрицы, Державинъ былъ милостиво принятъ новымъ Императоромъ, который назначилъ его правителемъ канцеляріи Императорскаго Совѣта, но черезъ нѣсколько дней, „за непристойный отвѣтъ", лишилъ его этого званія. Написанная Державинымъ по случаю восшествія на престолъ Павла I ода вернула ему расположеніе Императора; онъ послѣдовательно назначилъ его президентомъ Коммерцъ-Коллегіи, Государственнымъ казначеемъ и членомъ своего Совѣта. Воспѣвая въ Павлово время побѣды Суворова, Державинъ встрѣтилъ восторженными стихами воцареніе Александра I. При учрежденіи Министерствъ Державинъ былъ назначенъ министромъ Юстиціи, но, оказавшись въ числѣ людей старыхъ взглядовъ, которые противорѣчили тогдашнему либеральному настроенію, онъ навлекъ на себя неудовольствіе Государя и въ концѣ 1803 г. былъ уволенъ. Живя съ этихъ поръ частнымъ человѣкомъ, онъ не покидалъ литературныхъ занятій, но произведенія его Музы замѣтно мельчали... Въ 1812 г. Державинъ составилъ записки о своей жизни, весьма цѣнныя какъ для его біографіи, такъ и для характеристики эпохи и лицъ, ему современныхъ.

Державинъ скончался въ своемъ имѣніи „Званка", 8 Іюля 1816 года, и погребенъ въ Новгородскомъ Хутынскомъ монастырѣ, въ придѣлѣ соборной церкви.

Человѣкъ недюжинныхъ дарованій, трезваго ума и сильной воли, Державинъ представляетъ собою крупную и любопытную фигуру среди сподвижниковъ Екатерины, къ „вѣку" которой относится расцвѣтъ его дѣятельности. Независимый въ своихъ мнѣніяхъ, прямой, пылкій, Державинъ вѣрно сказалъ про себя, что онъ былъ „горячъ и въ правдѣ чортъ"; эта неуклонная прямота создавала ему враговъ, но зато пріобрѣла ему славу неподкупно честнаго и благороднаго человѣка. Какъ поэтъ-лирикъ, Державинъ оставилъ крупный слѣдъ въ исторіи русской литературы. Современники благоговѣли и преклонялись передъ талантомъ „пѣвца Фелицы"; самъ Пушкинъ отдавалъ дань этому общему взгляду на знаменитаго поэта. По словамъ Бѣлинскаго, „Державинъ—это полное выраженіе, живая лѣтопись, торжественный гимнъ, пламенный диѳирамбъ вѣка Екатерины. Поэзія Державина—это сама Россія Екатеринина вѣка".

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность П. Е. Цвѣткова, въ Москвѣ.)

GABRIEL ROMANOWITCH DERJAVINE, 1743—1816, fils d'un propriétaire de Kazan, le lieutenant-colonel Romain Nikolaewitch Derjavine, et de sa femme Thècle Andréewna Gorine, née Kozloff, naquit à Kazan le 3 juillet 1743. En 1759, on le mit au gymnase de Kazan, où il témoigna un goût particulier pour la musique, la poésie et le dessin; en 1762, il fut enrôlé comme simple soldat au régiment Préobragensky, où il mena près de cinq ans la vie austère des casernes. Le 1er janvier 1772, il fut promu aspirant-officier, et l'année suivante, entra à l'état-major de Bibikoff, lors de l'expédition contre Pougatchoff: il s'y révéla officier capable, énergique et entendu, mais dut, à la suite de démêlés avec le comte P. Panine, rentrer au régiment (1775). Il publia peu après ses „Odes traduites et composées sur le mont Tchitalagaï", et le 15 février 1777, il fut mis à la retraite avec le rang de conseiller de collège et une gratification de 300 têtes de paysans en Russie Blanche: c'est à cette occasion qu'il composa sa pièce de vers: „Effusion du cœur reconnaissant de l'Impératrice Catherine II". Nommé en août de la même année exécuteur au premier département du Sénat, Derjavine épousa, en avril 1778, Catherine Bastidon, fille de la nourrice du Grand-Duc Paul Pétrowitch; ce mariage avec sa „Plényre" fut parfaitement heureux. A la fin de 1782, il composa sa fameuse ode „Félitza", qui lui valut de la part de Catherine une tabatière d'or avec 500 ducats. A la suite de dissentiments avec le procureur général prince Viazemsky, il fut de nouveau mis à la retraite avec rang de conseiller d'état actuel (15 février 1784). En avril 1785, il fit paraître une de ses meilleures œuvres, l'ode intitulée „Dieu". Le 22 mai, il fut nommé gouverneur de Pétrozavodsk, mais, dès le mois de décembre de la même année, passa à Tamboff, où il eut des malentendus avec le général gouverneur Goudowitch, et, le 18 décembre 1788, fut traduit devant le Sénat: il fut sauvé grâce à l'intercession de Potemkine, auquel il avait consacré son ode „Au Vainqueur". Le 13 décembre 1791, on le mit à la Réception des Requêtes; il fut ensuite nommé sénateur, le 2 septembre 1793, et reçut en outre, le 1er janvier 1784, le poste de président du Collège de Commerce. Il perdit la même année sa femme bien-aimée et consacra à la mémoire de sa „Plényre" l'élégie „L'Hirondelle". Il se remaria, le 31 janvier 1795, avec Mlle Diakoff („Milène"). Il pleura dans ses vers la mort de l'Impératrice et fut gracieusement accueilli par le nouveau Souverain, qui le fit directeur de la chancellerie du Conseil Impérial, mais le priva de cette charge au bout de quelques jours „pour réponse inconvenante". Une ode composée à l'occasion de l'avènement de Paul Ier le remit en faveur près de l'Empereur, qui le fit successivement président du Collège de Commerce, trésorier de l'Empire et membre du Conseil Impérial. Après avoir chanté sous Paul Ier les victoires de Souvoroff, Derjavine célébra par des vers pleins d'enthousiasme l'avènement d'Alexandre Ier. Lors de la fondation des ministères, il fut nommé ministre de la justice, mais il se trouvait être de la vieille école, opposée aux nouvelles idées de libéralisme, ce qui lui attira le mécontentement de l'Empereur et le fit mettre à la retraite à la fin de 1803. Il se retira dès lors dans la vie privée, mais sans renoncer à la littérature; pourtant sa Muse baissait sensiblement.... Il rédigea, en 1812, des notes sur sa vie, qui contiennent des matériaux précieux pour sa biographie et aussi pour l'appréciation de l'époque et des contemporains.

Derjavine mourut dans son domaine de Zvanka, le 8 juin 1816, et fut inhumé à Novgorod, dans l'enceinte de la cathédrale du monastère de Khoutyno.

Doué de capacités peu communes, d'un esprit rassis et d'une volonté forte, Derjavine représente une figure considérable et curieuse du temps de Catherine, au „siècle" de laquelle appartient la période la plus active de sa vie publique. Avec son indépendance de jugement, sa rectitude, sa véhémence, il eut raison de dire de lui-même: „Un caractère ardent, un démon pour le droit"; son inflexible rectitude lui fit des ennemis mais lui valut le renom d'une honnêteté et d'une générosité de sentiments incorruptibles. Comme poète lyrique, il laissa une trace puissante dans la littérature russe: les contemporains vénéraient son talent et s'inclinaient devant „le chantre de Félitza"; Pouchkine lui-même rendait hommage à cette unanime appréciation du célèbre poète. Selon les paroles de Bélinsky, „Derjavine, c'est l'expression complète, la chronique vivante, l'hymne triomphal, le dithyrambe enflammé du siècle de Catherine. La poésie de Derjavine, c'est la Russie même du siècle de Catherine".

(D'après un original de Borovikowsky, appartenant à I. Tzvetkoff, Moscou.)

Пис. Боровиковскій | Peint par Borovikowsky

Гавріилъ Романовичъ Державинъ, 1743-1816 | Gabriel Romanowitch Derjavine, 1743-1816

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

АРЬЯ АЛЕКСѢЕВНА ДЕРЖАВИНА, 1767—1842, одна изъ пяти дочерей сенатскаго оберъ-прокурора, статскаго совѣтника Алексѣя Аѳанасьевича Дьякова отъ брака его съ княжной Авдотьей Петровной Мышецкой, родилась 8 Марта 1767 г. и получила домашнее свѣтское образованіе и воспитаніе, особенно любила музыку и сама играла на арфѣ. Родственныя связи родителей доставили дочерямъ знакомства въ высшемъ Петербургскомъ обществѣ, и красавицы-сестры (изъ которыхъ Александра вышла замужъ за писателя В. В. Капниста, Марія—за архитектора Н. А. Львова и Екатерина—за графа Я. Ѳ. Стейнбока) блистали на вечерахъ Л. А. Нарышкина и составляли кадриль Великаго Князя Павла Петровича. По смерти отца (въ 1791 г.), Дарья Алексѣевна жила въ Ревелѣ у сестры, графини Стейнбокъ, съ которою въ концѣ 1794 г. пріѣхала въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ ей сдѣлалъ предложеніе Г. Р. Державинъ, овдовѣвшій за полгода передъ тѣмъ. Дарья Алексѣевна была раньше знакома съ Екатериной Яковлевной Державиной, первой женой поэта („Плѣнирой"), и пользовалась расположеніемъ послѣдняго, какъ невѣстка его двухъ ближайшихъ друзей—Н. А. Львова и В. В. Капниста. 31 Января 1795 г. состоялась ея свадьба, при чемъ жениху было 58, а невѣстѣ 28 лѣтъ; они не были влюблены другъ въ друга, и бракъ этотъ, какъ сознавался и самъ Державинъ, былъ основанъ болѣе на чувствѣ давнишней дружбы и на благоразуміи, нежели на страсти. По характеру своему Дарья Алексѣевна во многихъ отношеніяхъ представляла полную противоположность первой женѣ поэта: насколько та была весела, общительна, любила свѣтскую жизнь, настолько Дарья Алексѣевна „была сосредоточена въ самой себѣ, сдержана и суха въ обращеніи, даже съ близкими людьми, часто не любезна къ друзьямъ своего мужа", особенно если ей казалось, что присутствіе ихъ можетъ вредно отозваться на его здоровьѣ, о которомъ она чрезвычайно заботилась; однако, она была „добра, благотворительна, справедлива, великодушна и потому, несмотря на свои недостатки, была любима и уважаема жившими съ нею; она не терпѣла злословія и никогда не позволяла при себѣ дурно говорить объ отсутствующихъ. Въ ней были неизъяснимыя противорѣчія: при видимой холодности, она иногда, среди разговора, вдругъ растрогается и отойдетъ въ сторону, чтобы никто не видѣлъ ея слезъ". Она всячески старалась устранить и освободить отъ домашнихъ заботъ своего непрактичнаго мужа, и, не имѣя своихъ дѣтей, всѣ заботы перенесла на него и на хозяйство, которымъ управляла сама; безконтрольно распоряжаясь всѣмъ состояніемъ мужа, до покупки и продажи земель включительно, она сумѣла значительно улучшить его, хотя берегла своихъ крестьянъ и не отягощала ихъ оброками. Смерть мужа была для нея весьма тяжелымъ ударомъ, она съ трудомъ отъ него оправилась и съ тѣхъ поръ, большею частью, уединенно и скромно жила въ „Званкѣ", завѣщанной ей мужемъ; впослѣдствіи она подружилась со своими сосѣдями—графомъ Аракчеевымъ, графиней А. А. Орловой-Чесменской и архимандритомъ Фотіемъ, который склоненъ былъ приписывать себѣ большое вліяніе на Дарью Алексѣевну, считая, что она „дщерію его учинилась". Но, конечно, такая трезвая и практичная женщина, какою была Державина, не смотрѣла на архимандрита такъ, какъ ему бы хотѣлось.

Д. А. Державина скончалась 16 Іюня 1842 г. въ „Званкѣ" и погребена рядомъ съ мужемъ въ Новгородскомъ Хутынскомъ монастырѣ. Духовнымъ завѣщаніемъ своимъ она, между прочимъ, оставила 50/т. р. асс. на стипендіи въ Казанскомъ университетѣ и капиталъ на учрежденіе пріюта для освобождаемыхъ изъ-подъ стражи. Желая увѣковѣчить существованіе „Званки" и память своего мужа, она завѣщала, кромѣ того, 50/т. асс. на учрежденіе въ этомъ имѣніи Знаменскаго женскаго монастыря, на содержаніе котораго распорядилась внести 100/т. р. асс. въ Опекунскій Совѣтъ. Монастырь этотъ съ женскимъ при немъ училищемъ былъ открытъ въ 1869 году.

Мужъ-поэтъ посвятилъ своей „Миленѣ" нѣсколько стихотвореній, напримѣръ: „Мечта", „Къ Музѣ", „Желаніе", „Дашѣ приношеніе", „Къ портрету". По словамъ біографа, Дарья Алексѣевна „была красавица высокаго роста и крупныхъ формъ, величавая, но холодная; правильнымъ чертамъ ея недоставало одушевленія и живости".

(Съ портрета Боровиковскаго; Румянцевскій музей, въ Москвѣ.)

DARIA ALEXÉEWNA DERJAVINE, 1767—1845, une des cinq filles du conseiller d'état Alexis Afanassiewitch Diakoff, haut procureur du Sénat, et d'Eudoxie Pétrowna, née princesse Mychetzky, naquit le 8 mars 1767; elle reçut chez ses parents l'instruction et l'éducation à la mode: elle aimait particulièrement la musique et jouait elle-même de la harpe. Les liens de parenté des jeunes filles les introduisirent dans la haute société de Pétersbourg, et on vit les cinq beautés, dont Alexandrine épousa l'écrivain Kapnist, Marie l'architecte N. Lvoff et Catherine le comte J. Steinbock, briller aux soirées de L. Narychkine et figurer aux quadrilles du Grand-Duc Paul Pétrowitch. A la mort du père, en 1791, Daria alla se fixer à Rével chez sa sœur la comtesse Steinbock, avec laquelle elle revint à Pétersbourg à la fin de 1794: là, elle reçut bientôt la proposition de Derjavine, veuf depuis six mois. Elle avait connu la première femme du poète et entretenait avec lui de bonnes relations d'amitié comme belle-sœur de deux de ses meilleurs amis, Lvoff et Kapnist. Le mariage eut lieu le 31 janvier 1795: lui avait 58 ans, elle 28; il n'y avait pas d'amour entre eux, et l'union, Derjavine en convenait lui-même, était plutôt fondée sur ce sentiment de vieille amitié et sur la raison qu'inspirée par la passion. De caractère, la seconde femme du poète était en opposition complète avec la première: autant celle-ci „était gaie et communicative et aimait le monde, autant Daria était renfermée en elle-même, mesurée et sèche dans ses relations, même avec ses proches, souvent peu aimable avec les amis de son mari", surtout quand il lui semblait que leur présence pouvait avoir un effet nuisible sur sa santé, pour laquelle elle avait une extrême sollicitude. Pourtant „elle était bonne, charitable, juste et de sentiments élevés, et c'est pourquoi, malgré ses travers, elle jouissait de la sympathie et de l'estime de tous ceux qui l'entouraient; elle ne pouvait souffrir la médisance et ne laissait jamais dire du mal des absents devant elle. Il y avait en elle des contradictions inexplicables: avec sa froideur apparente, il lui arrivait, au milieu d'une conversation, de se sentir tout d'un coup troublée et de se retirer pour ne pas laisser voir ses larmes". Elle s'efforçait de toute manière d'éloigner et de décharger des soins du ménage son mari, qui ne s'y entendait guère; n'ayant pas d'enfants, elle reporta toute sa sollicitude sur lui et sur la gestion des affaires, dont elle s'occupait seule: disposant sans contrôle de sa fortune à lui, jusqu'aux achats et aux ventes de propriétés inclusivement, elle sut en tirer un excellent parti, tout en ménageant ses paysans et ne les accablant pas sous le poids des redevances. Sa mort fut pour elle un coup terrible, dont elle eut de la peine à se remettre; elle alla mener une vie solitaire et simple dans sa propriété de Zvanka, qu'il lui avait laissée, et, dans la suite, se lia avec ses voisins, le comte Araktchéeff, la comtesse A. Orloff-Tchesmensky et l'archimandrite Photius, qui fut porté à s'attribuer sur elle une importance exagérée, prétendant qu'elle „s'était faite sa fille". Bien entendu, une personne aussi raisonnable et aussi pratique ne pouvait entrer dans les vues de l'archimandrite.

Mme Derjavine mourut à Zvanka, le 16 juin 1842, et fut inhumée à côté de son mari au monastère Khoutyno, à Novgorod. Elle laissa par testament, entre autres legs, 50.000 roubles assignations à l'université de Kazan pour l'entretien d'un boursier, et un capital destiné à la fondation d'un asile pour les prisonniers libérés. Pour perpétuer Zvanka et la mémoire de son mari, elle affecta en outre 50.000 roubles à la création d'un monastère de femmes, pour l'entretien duquel elle fit verser 100.000 roubles au Conseil de tutelle. Ce monastère, dédié à l'Apparition de la Vierge, fut inauguré en 1869, ainsi que l'école qui en dépend.

Le poète consacra à sa „Milène" plusieurs pièces de vers: „Rêverie", „A la Muse", „Désir", „Hommage à Daria", „Pour un portrait". Au témoignage d'un biographe, Daria „était une belle femme de haute taille et de formes plantureuses, majestueuse, mais froide: ses traits réguliers manquaient d'animation et de vivacité".

(D'après l'original de Borovikowsky, Musée Roumiantzeff, Moscou.)

Пис. Боровиковскій | Peint par Borovikowsky

Дарья Алексѣевна
Державина, 1767–1842

Daria Alexéewna
Derjavine, 1767–1842

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

41

Князь **ВЛАДИМІРЪ БОРИСОВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ**, 1731—1798, отставной бригадиръ, сынъ адмирала князя Бориса Васильевича (1705—1768) отъ брака съ Екатериной Ивановной Стрешневой († 1739), родился 10 Іюля 1731 года; 30 Октября 1766 г. женился на фрейлинѣ графинѣ Наталіи Петровнѣ Чернышевой, извѣстной впослѣдствіи подъ именемъ „princesse Moustache", женщинѣ „отъ природы очень умной и великой мастерицѣ устраивать свои дѣла". Княгиня привела въ порядокъ состояніе мужа, продала половину имѣній и заплатила долги. По отзыву современницы, князь Владиміръ Борисовичъ Голицынъ былъ „очень простоватый человѣкъ, съ большимъ состояніемъ, которое отъ дурного управленія было запутано и приносило плохой доходъ".

Князь В. Б. Голицынъ умеръ 25 Декабря 1798 г. и погребенъ въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ.

У него было 3 сына: Петръ (1768—1772), Борисъ (см. № 28) и Дмитрій (1771—1844; извѣстный московскій генералъ-губернаторъ), и 2 дочери: Екатерина (см. № 155; за С. С. Апраксинымъ) и Софія (1774—1845; за графомъ П. А. Строгановымъ).

(Съ портрета, писаннаго Росленомъ; собраніе князя П. П. Голицына, с. Марьино, Новгородск. губ.)

41

Le prince VLADIMIR BORISSOWITCH GOLITZYNE, 1731 — 1798, brigadier en retraite, fils de l'amiral prince Boris Vassiliewitch Golitzyne (1705 — 1768) et de Catherine Ivanowna, née Strechneff († 1739), naquit le 10 juillet 1731. Il épousa, le 30 octobre 1766, la comtesse Natalie Pétrowna Tchernycheff, demoiselle d'honneur, connue plus tard sous le sobriquet de „Princesse Moustache", personne „fort intelligente et d'un sens pratique extrêmement remarquable". La princesse répara le désordre de la fortune de son mari, vendit la moitié des propriétés et paya les dettes. Au témoignage d'une contemporaine, le prince était „un naïf à la tête d'une grosse fortune compromise et rendue presque improductive par une mauvaise gérance".

Le prince Vladimir Golitzyne mourut le 25 décembre 1798 et fut inhumé au monastère Donskoï, à Moscou.

Il avait eu trois fils, Pierre (1768 — 1772), Boris (v. № 28) et Dmitri (1771 — 1844), connu comme général gouverneur de Moscou, et deux filles, Catherine (Mme Apraxine, v. № 155) et Sophie (1774 — 1845), comtesse P. Stroganoff.

(D'après l'original de Roslin, collection du prince P. Golitzyne, Maryino, gouv. de Novgorod.)

Пис Росленъ | Peint par Roslin

Князь Владимiръ Борисовичъ Голицынъ, 1731-1798 | Le Prince Vladimir Borissowitch Golitzyne, 1731-1798

Княгиня НАТАЛІЯ ПЕТРОВНА ГОЛИЦЫНА, 1741—1837, дочь графа Петра Григорьевича Чернышева отъ брака съ графиней Екатериной Андреевной Ушаковой, родилась 17 Января 1741 года; дѣтство провела въ Англіи, гдѣ отецъ ея былъ посломъ, и тамъ получила прекрасное образованіе. Позднѣе она много путешествовала за границей и тамъ же воспитывала своихъ дѣтей, которыя поэтому плохо знали русскій языкъ. Будучи фрейлиной, въ 1766 г. вышла замужъ за бригадира князя Владиміра Борисовича Голицына (1731—1798), котораго не замедлила всецѣло подчинить своей волѣ; „великая мастерица устраивать свои дѣла", она взяла на себя управленіе имѣніями мужа и сумѣла не только поправить разстроенное имъ состояніе, но и значительно его увеличить. Энергичная и умная, она создала себѣ такое положеніе, что ей оказывали вниманіе всѣ Государи и Государыни, начиная съ Екатерины II и кончая Императоромъ Николаемъ I; ее уважало все высшее общество, считавшее за честь бывать у нея въ домѣ. Въ высшей степени своенравная, княгиня была надменна съ равными ей по положенію и привѣтлива съ тѣми, кого считала ниже себя; „она властвовала въ свѣтѣ, всѣми признанная": къ ней везли на поклонъ каждую молодую дѣвушку, начинавшую выѣзжать; гвардейскій офицеръ, только что надѣвшій эполеты, являлся къ ней, какъ по начальству. Родившись въ началѣ царствованія Елизаветы Петровны, княгиня видѣла дворъ при 5 императрицахъ и, будучи очень преклонныхъ лѣтъ, считала всѣхъ молодежью, поэтому всѣ высоко цѣнили малѣйшее ея вниманіе, но зато мало кто ея не боялся. Семья вся „трепетала" предъ княгиней, съ дѣтьми она была очень строга даже тогда, когда они сами уже давно пережили свою молодость, и „до конца жизни называла ихъ уменьшительными именами: Апраксину—Катенька, а Катенькѣ было за 60 лѣтъ, сынъ былъ для нея все Митенькой", когда онъ уже былъ московскимъ генералъ-губернаторомъ. „Когда князь Дмитрій Владиміровичъ, бывая въ Петербургѣ, останавливался у матери, ему отводили комнаты въ антресоляхъ, и княгиня призывала своего дворецкаго и приказывала ему „позаботиться, чтобы все нужное было у Митеньки, а пуще всего смотрѣть, чтобъ онъ не упалъ, сходя съ лѣстницы" (князь былъ очень близорукъ и употреблялъ лорнетъ). Недовольная женитьбой его на Т. В. Васильчиковой, такъ какъ считала этотъ бракъ не равнымъ, княгиня заставила свою тихую и добрую невѣстку много вытерпѣть отъ нея горя". А. Я. Булгаковъ, любовавшійся въ день ея рожденія въ 1821 году „на ея аппетитъ и бодрость", писалъ: „Нѣтъ счастливѣе матери, какъ старуха Голицына; надобно видѣть, какъ за нею дѣти ухаживаютъ, а у дѣтей-то уже есть внучата". Голицына, несмотря на то, что имѣніе было не ея, а мужа, сама управляла всѣмъ, „выдѣлила дочерямъ по 2/т. душъ, а сыну выдавала всего по 50/т. рублей, такъ что онъ принужденъ былъ дѣлать долги, и единственно, по желанію Императора Николая Павловича, она прибавила еще 50/т. руб. ассигн., думая, что она его щедро награждаетъ". Только по кончинѣ матери, проживъ всю жизнь почти ничего не имѣя, за 7 лѣтъ до своей смерти, князь Дмитрій Владиміровичъ сдѣлался владѣльцемъ своихъ 16/т. душъ.

Княгиня Голицына была очень не хороша собой, имѣла большіе усы и бороду, почему и получила прозваніе въ обществѣ „la princesse Moustache". Умерла она въ глубокой старости, 97 лѣтъ, 20 Декабря 1837 года и погребена въ Донскомъ монастырѣ, въ Москвѣ.

У княгини Н. П. Голицыной было 3 сына: Петръ (р. 23 Августа 1767, † 12 Апрѣля 1775), Борисъ (р. 6 Января 1769, † 1813) и Дмитрій (р. 29 Октября 1771, † 27 Марта 1844; московскій генералъ-губернаторъ, 1820—1844 гг.), и 2 дочери: Екатерина (р. 30 Мая 1770, † 14 Марта 1854; за С. С. Апраксинымъ) и Софья (р. 11 Ноября 1775, † 6 Марта 1845; за графомъ П. А. Строгановымъ).

(Съ портрета Рослена 1777 г.; Строгановское собраніе, с. Марьино, Новгородской губ.)

La princesse NATALIE PÉTROWNA GOLITZYNE, 1741—1837, fille du comte Pierre Grigoriewitch Tchernycheff et de la comtesse Catherine Andréewna Ouchakoff, naquit le 17 janvier 1741; elle passa son enfance en Angleterre, où son père était ambassadeur, et y reçut une excellente éducation. Plus tard elle voyagea beaucoup à l'étranger et y fit aussi élever ses enfants, qui, par suite, surent mal le russe. Demoiselle d'honneur, elle épousa en 1766 le brigadier prince Vladimir Borissowitch Golitzyne (1731—1798), qu'elle ne tarda pas à dominer entièrement; „fort habile à faire son affaire", elle se chargea de l'administration des biens de son mari, et sut non seulement lui rétablir sa fortune compromise, mais encore la faire fructifier considérablement. Energique et intelligente, elle se mit sur un pied tel, qu'elle fut honorée de l'attention de tous les souverains, depuis Catherine II jusqu'à Nicolas Ier; elle jouissait de la considération de toute la haute société, qui regardait comme un honneur d'être reçue chez elle. Fantasque à l'extrême, elle avait de la hauteur pour ses égaux et de l'affabilité pour ceux qu'elle considérait comme ses inférieurs; „elle avait dans la société une autorité universellement reconnue": la jeune fille qui faisait son entrée dans le monde venait lui faire agréer son hommage, l'officier de la Garde frais émoulu allait se présenter à elle comme à ses supérieurs. Née au commencement du règne de l'Impératrice Elisabeth, elle avait été à la Cour de cinq impératrices, et, à l'âge avancé où elle parvint, considérait tout le monde comme de la jeunesse: aussi faisait-on grand cas de la moindre attention de sa part. Mais il n'y avait guère personne non plus qui ne la craignît: toute la famille tremblait devant elle, et son extrême sévérité avec ses enfants les suivit bien au delà de leur jeunesse. „Jusqu'à la fin de sa vie, elle leur conserva leurs noms d'enfants: sa fille Mme Apraxine, à 60 ans passés, était toujours Katenka; son fils Dmitri resta toujours pour elle Mitenka, lors même qu'il était général gouverneur de Moscou". Lorsque le prince Dmitri Golitzyne venait à Pétersbourg et descendait chez sa mère, il avait son appartement à l'entresol, et la princesse faisait venir son intendant pour lui recommander „de bien faire donner à Mitenka tout ce qu'il lui faut, et surtout de bien prendre garde de le laisser tomber dans l'escalier" (le prince était très myope et portait des verres). Mécontente de son mariage avec Mlle Vassiltchikoff, qu'elle regardait comme une dérogation, elle fit la vie dure à cette douce et excellente personne. A. Boulgakoff, admirant „son appétit et sa verdeur" le jour du quatre-vingtième anniversaire de sa naissance, écrivait: „Il n'y a pas de mère plus heureuse que Mme Golitzyne; il faut voir comme ses enfants prennent soin d'elle, et des enfants qui ont eux-mêmes des petits-enfants!" La princesse, disposant comme elle faisait des biens de son mari, „donna à chacune de ses filles 2000 têtes de paysans, et à son fils 50.000 roubles seulement, de sorte qu'il était obligé de faire des dettes, et ce ne fut que sur les instances de l'Empereur Nicolas qu'elle lui en ajouta 50.000 autres, estimant lui faire une largesse considérable". A la mort de sa mère seulement, et après avoir passé toute sa vie dans la gêne, le prince Dmitri entra, sept ans avant sa mort, en possession de ses 16.000 paysans.

La princesse Golitzyne était très laide, avec de grandes moustaches et de la barbe qui lui avaient fait donner dans la société le surnom de Princesse Moustache. Elle mourut dans une vieillesse extrêmement avancée, à l'âge de 97 ans, le 20 décembre 1837, et fut inhumée au monastère Donskoï, à Moscou.

Elle avait eu trois fils, Pierre (25 août 1767—12 avril 1775), Boris (6 janvier 1769—1813) et Dmitri (29 octobre 1771—27 mars 1844), général gouverneur de Moscou de 1820 à 1844, et deux filles, Catherine (30 mai 1770—14 mars 1854), mariée à S. Apraxine, et Sophie (11 novembre 1775—6 mars 1845), au comte P. Stroganoff.

(D'après l'original de Roslin 1777, collection Stroganoff, Maryino, gouv. de Novgorod.)

Пис. Рослень 1777 — Peint par Roslin, 1777

Княгиня Наталія Петровна Голицына. 1741–1837 — La Princesse Natalie Pétrowna Golitzyne, 1741–1837

Графиня АННА СТЕПАНОВНА ПРОТАСОВА, 1745—1826, дочь сенатора Степана Өедоровича Протасова (1703—1767) и второй жены его, Анисіи Никитичны Орловой (1721—1775), двоюродная племянница братьевъ Орловыхъ, была взята Екатериной II во фрейлины, по протекціи Григорія Орлова; Анна Степановна была очень дурна собою, къ тому же не богата и характера довольно сварливаго, поэтому, вѣроятно, и не нашла себѣ жениха между молодыми придворными, не брезгавшими, однако, по выраженію Гарновскаго, „дѣлать куръ немолодой и некрасивой невѣстѣ, чтобы заручиться при нуждѣ ея протекціей". Екатерина, говорятъ, хотѣла ее выдать за графа Аркадія Ивановича Моркова, но тотъ отказался, замѣтивъ съ обычнымъ своимъ ехидствомъ: „Она дурна, я безобразенъ, что же мы будемъ безобразить родъ человѣческій". Екатерина скоро такъ привыкла къ ней, что Протасова сдѣлалась неразлучною спутницей во всѣхъ ея путешествіяхъ и повѣренной ея сердечныхъ тайнъ. Съ нею вмѣстѣ въ Зимнемъ дворцѣ жили пять ея племянницъ, дочерей Петра Степановича Протасова, которыя, благодаря ей, получили блестящее образованіе и сдѣлали хорошія партіи. Въ 1784 г. Протасова была пожалована въ камеръ-фрейлины, „съ богатѣйшимъ портретомъ", и получила цѣлый штатъ камеръ-пажей. Пользуясь столомъ „съ Государыниной кухни и на вызолоченномъ сервизѣ", она въ то же время обѣдала у ней почти каждый день. Смерть Екатерины была для нея тяжелымъ ударомъ; она въ теченіе сутокъ не выходила изъ комнаты, гдѣ лежала въ агоніи ея благодѣтельница, и присутствовала при ея кончинѣ. Въ царствованіе Павла положеніе ея при дворѣ не измѣнилось, отчасти благодаря браку ея племянницы съ любимцемъ Государя, графомъ Ө. В. Ростопчинымъ: она сохранила помѣщеніе и столъ во дворцѣ, получила орденъ св. Екатерины 2-го класса, пенсію и 1000 душъ въ Воронежской и Петербургской губерніяхъ. Въ коронацію Александра I Протасова была возведена въ графское достоинство, распространенное, по ея просьбѣ, на незамужнихъ племянницъ ея, фрейлинъ Варвару, Вѣру и Анну, и на потомство другого брата ея, бригадира Александра Протасова. Какъ старшая камеръ-фрейлина, она продолжала нести службу при Императрицѣ Маріи Өеодоровнѣ, очень къ ней расположенной, но болѣзнь глазъ, извѣстная подъ названіемъ темной воды, приведшая ее къ полной потерѣ зрѣнія послѣ безрезультатной операціи катаракты въ Боннѣ въ 1816 г., заставила ее предпринимать частыя и продолжительныя поѣздки за границу къ знаменитѣйшимъ окулистамъ. Совершенно ослѣпшая, не переставая, однако, появляться на придворныхъ собраніяхъ, графиня Протасова скончалась 81 года, въ Петербургѣ, 12 Апрѣля 1826 г., и похоронена въ Александро-Невской лаврѣ, въ церкви Св. Духа.

„Безобразная и черная, какъ королева съ островоВъ Таити", но съ извѣстной величавостью въ осанкѣ, а въ старости чрезмѣрно растолстѣвшая, графиня Протасова не чужда была философскаго образа мыслей и „вольтеріанства" своей державной покровительницы. Въ то же время тщеславная и спѣсивая, со страстью къ нарядамъ и украшеніямъ, требовательная, она за границей удивляла иностранцевъ своею подвижностью, странными костюмами и непомѣрною чванностью. Всегда съ именемъ Екатерины на устахъ, она жалуется, что русскіе не ѣздятъ къ ней на поклонъ; на пріемахъ Вѣнскаго конгресса, разодѣтая и залитая бриліантами, претендуетъ на первое мѣсто, а въ Парижѣ хочетъ, чтобы ей, какъ статсъ-дамѣ Императрицы, представляли герцогинь, съ которыми разсыпается въ любезностяхъ. Любя общество и свѣтъ, она не хотѣла сознаваться, что слѣпа, и сердилась, когда другіе это замѣчали.

„Графиня Протасова", говоритъ гр. Головина въ своихъ воспоминаніяхъ, „принадлежитъ къ интимному кружку Государыни не потому, чтобы была другомъ Императрицы или обладала высокими качествами, а потому, что была бѣдна и ворчлива. Въ ней развито было, однако, чувство благодарности". Екатерина, дѣйствительно, часто смѣялась шуткамъ придворныхъ надъ Анной Степановной и сама съ ней шутила, прозвавъ ее „Королевой Лото", а себя „осеннимъ гонителемъ мухъ королевы", при чемъ совѣтовала ей—„оставлять дурное расположеніе духа въ своемъ кабинетѣ". Отсюда не слѣдуетъ, однако, чтобы Протасова была, какъ увѣрялъ Мамоновъ, шутихой Екатерины. Благодаря близости къ Императрицѣ, съ вліяніемъ ея считались не только царедворцы, какъ Архаровъ, но и молодые претенденты на должность фаворита, въ родѣ Кочубея. Ненавидя Мамонова, Протасова поддерживала усердно кандидатуру Зубова. Безгранично преданная Екатеринѣ, она оказывала ей важныя услуги, шпіонила за Гатчинскимъ дворомъ и, какъ говорятъ, воспитывала двухъ дочерей Григорія Орлова, дѣвицъ Алексѣевыхъ.

(Съ портрета работы Вуаля; музей Императора Александра III, въ С.-Петербургѣ.)

La comtesse ANNA STÉPANOWNA PROTASSOFF, 1745—1826, fille du sénateur Stéphane Protassoff (1703—1767) et de sa seconde femme, Anysie Orloff (1721—1775), était cousine issue de germain des frères Orloff. Faite demoiselle d'honneur par Catherine II, elle était très laide, et, par surcroît, sans fortune et d'un caractère passablement acariâtre: aussi n'est-il guère étonnant qu'elle n'ait pu trouver un mari à la Cour; encore les jeunes gens ne dédaignaient-ils pas, au témoignage de Garnowsky, „de faire la cour à ce parti mûr et peu attrayant pour s'assurer au besoin sa protection". Catherine voulait, dit-on, la marier au comte Arcade Morkoff, mais celui-ci refusa, en ajoutant malicieusement, comme à son habitude: „Elle est laide; moi, je suis affreux: nous ne serions bons qu'à défigurer l'espèce humaine". L'Impératrice l'eut bientôt prise si fort en affection, qu'elle en fit la compagne inséparable de tous ses déplacements et la confidente de ses secrets intimes. Mlle Protassoff avait avec elle au Palais d'Hiver cinq de ses nièces, filles de son frère Pierre, qui reçurent grâce à elle une brillante éducation et devinrent d'excellents partis. En 1784, elle fut faite demoiselle à portrait, „avec portrait d'une grande richesse", et avec toute une maison de pages de la chambre. Sa table était servie „par les cuisines Impériales dans de la vaisselle dorée" et en outre elle dînait presque chaque jour chez l'Impératrice. La mort de Catherine fut pour elle un coup terrible: elle resta vingt-quatre heures sans sortir de la chambre où sa bienfaitrice était à l'agonie, et assista à ses derniers moments. Sous Paul Ier, elle conserva sa situation à la Cour, en partie grâce au mariage d'une de ses nièces avec le comte Rostoptchine, favori du Souverain: elle eut toujours au Palais ses appartements avec la table, reçut l'ordre de Ste-Catherine de 2e classe, une pension et mille têtes de serfs dans les gouvernements de Voronèje et de St-Pétersbourg. Lors du couronnement d'Alexandre Ier, elle fut élevée à la dignité de comtesse: le titre fut étendu, sur sa demande, à ses nièces non mariées, les demoiselles d'honneur Varvara, Véra et Anna, ainsi qu'à la postérité de son frère Alexandre. Elle resta première demoiselle d'honneur à la Cour de l'Impératrice Marie Féodorowna, mais une goutte sereine, qui lui fit perdre entièrement la vue malgré l'opération de la cataracte qu'elle subit à Bonn, en 1816, l'obligea à faire de longs et fréquents voyages à l'étranger pour consulter les oculistes en renom; pourtant sa cécité complète ne l'empêchait nullement de paraître à la Cour. La comtesse Protassoff mourut à St-Pétersbourg le 12 avril 1826, à l'âge de 81 ans, et fut inhumée au monastère d'Alexandre Newsky, à l'église du St-Esprit.

„Affreuse et noire comme une reine de Tahiti", mais non sans une certaine majesté dans son maintien, d'un embonpoint excessif dans sa vieillesse, la comtesse Protassoff avait quelque chose des idées philosophiques et du „voltairianisme" de son Impériale protectrice. Vaniteuse et hautaine, avec son goût exagéré pour la parure et les bijoux, avec son caractère exigeant, elle excita à l'étranger la curiosité générale par sa mobilité, ses costumes extraordinaires et son ostentation démesurée. Toujours le nom de l'Impératrice à la bouche, elle se plaint que les Russes ne viennent pas lui présenter leurs hommages; aux solennités du Congrès de Vienne, somptueusement vêtue et ruisselante de diamants, elle prétend à la première place; à Paris, elle tient, comme dame d'honneur de l'Impératrice, à se faire présenter les duchesses, près desquelles elle se répand en amabilités. Dans sa passion pour la société et le monde, elle ne voulait pas convenir de sa cécité et se fâchait quand on s'en apercevait.

„Si la comtesse Protassoff", dit la comtesse Golovine dans ses Souvenirs, „fut des intimes de l'Impératrice, ce n'était pas qu'elle fût son amie personnelle ou qu'elle eût des qualités supérieures: c'est parce qu'elle était pauvre et grognon. Elle avait pourtant bien le sentiment de la reconnaissance". Catherine, en effet, riait souvent des plaisanteries qu'on faisait à sa demoiselle d'honneur, et la plaisantait, elle aussi, l'appelant „la Reine Loto", se surnommant elle-même „le chasse-mouches de la Reine pendant la saison", et lui conseillant „de laisser sa mauvaise humeur dans son cabinet". Mais il ne suit pas de là que, comme le prétend Mamonoff, la comtesse eût été la bouffonne de Catherine. Son intimité avec l'Impératrice lui donna de l'importance non seulement pour les personnages en cour, comme Arkharoff, mais encore pour les jeunes prétendants à la dignité de favoris, comme Kotchoubey. Elle détestait Mamonoff et soutint énergiquement la candidature de Zouboff. D'un dévouement sans bornes pour Catherine, elle lui rendit d'importants services, espionna la Cour de Gatchina, et éleva, dit-on, les deux filles de Grégoire Orloff, les demoiselles Alexéeff.

(D'après l'original de Voille, Musée Alexandre III, St-Pétersbourg.)

Пис: Вуаль — Peint par Voille

Графиня Анна Степановна Протасова, 1745-1826 | *La Comtesse Anna Stépanowna Protassoff, 1745-1826*

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

44

Свѣтлѣйшій князь ПЛАТОНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ЗУБОВЪ, 1767—1822, послѣдній фаворитъ Императрицы Екатерины II, см. № 113.

(Съ портрета Лампи; собственность графа В. Н. Зубова, г. Шавли, Ковенской губ.)

44

Le prince sérénissime **PLATON ALEXANDROWITCH ZOUBOFF**, 1767—1822, le dernier favori de l'Impératrice Catherine II, v. № 113.

(D'après un original de Lampi, appartenant au comte B. Zouboff, Chabli, gouv. de Kovno.)

Пис. Лампи | Peint par Lampi

Свѣтл. Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ, 1767-1822

Le Prince Platon Alexandrowitch Zouboff, 1767-1822

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Графъ АЛЕКСАНДРЪ МАТВѢЕВИЧЪ ДМИТРІЕВЪ-МАМОНОВЪ, 1758—1803, сынъ сенатора Матвѣя Васильевича Дмитріева-Мамонова (1724—1810) отъ брака его съ Анной Ивановной Боборыкиной (1723—1792), родился 19 Сентября 1758 года. Получивъ домашнее образованіе, Дмитріевъ-Мамоновъ поступилъ на службу въ гвардію и въ 1786 г. былъ уже поручикомъ и адъютантомъ при Потемкинѣ. Въ это время фаворитъ Императрицы, Ермоловъ, долженъ былъ оставить свое мѣсто при дворѣ, и Потемкинъ представилъ Екатеринѣ Дмитріева-Мамонова, на преданность котораго себѣ вполнѣ разсчитывалъ. „Рисунокъ недуренъ, но колоритъ плохъ“, отозвалась о Мамоновѣ Императрица, тѣмъ не менѣе назначила его, 19 Августа 1786 г., флигель-адъютантомъ при своей особѣ. По отзывамъ современниковъ, Мамоновъ отличался умомъ, любилъ занятія литературой и искусствами и постоянно пополнялъ чтеніемъ недостатки своего образованія; Императрица старалась пріучить его къ занятіямъ государственными дѣлами, но болѣе совѣтовалась съ нимъ при составленіи эрмитажныхъ своихъ комедій и побудила его написать нѣсколько пьесъ для Эрмитажа, напечатанныхъ въ сборникѣ: „Théâtre de l'Hermitage“. Нравственный характеръ Мамонова, несмотря на его гордость и корыстолюбіе, внушалъ къ нему уваженіе: онъ былъ преданъ Государынѣ и не пользовался во вредъ своимъ вліяніемъ на нее. Императрица была высокаго мнѣнія о его способностяхъ. Въ 1787 г. Мамоновъ сопровождалъ ее въ путешествіи въ Крымъ и былъ при этомъ пожалованъ въ премьеръ-майоры Преображенскаго полка, дѣйствительнымъ камергеромъ, корнетомъ Кавалергардскаго корпуса, а въ слѣдующемъ году—генералъ-адъютантомъ. „Онъ вѣрный другъ, имѣю опыты его скромности“, сказала при этомъ Екатерина Храповицкому. Вслѣдъ затѣмъ, Іосифъ II пожаловалъ, 25 Мая 1788 г., Мамонову графское достоинство, а Императрица Екатерина, 8 Сентября того же года—орденъ Александра Невскаго. Пожалованія Мамонова деньгами и имуществомъ были также безпримѣрны, тѣмъ болѣе, что Екатерина, замѣтивъ любовь Мамонова къ деньгамъ и его скупость, этимъ, конечно, старалась его привязать. Въ одномъ лишь Нижегородскомъ намѣстничествѣ Мамонову принадлежало до 27/т. душъ; по должности генералъ-адъютанта онъ получалъ 180/т. р. въ годъ, кромѣ жалованья по другимъ должностямъ, да на столъ ему отпускалось ежегодно по 36/т. р.; страсть къ брильянтамъ была также удовлетворена: одни брильянтовые аксельбанты Мамонова стоили до 50/т. р. Привязанность Государыни къ Мамонову постепенно и быстро возрастала; она его ревновала, а онъ тяготился своимъ положеніемъ и скучалъ: „паренекъ считаетъ свое житье тюрьмою“. Государыня думала назначить его вице-канцлеромъ, но Мамоновъ не выдержалъ своей роли; онъ уже раньше вступилъ въ тайную интригу съ 16-лѣтнею фрейлиной, княжной Дарьей Федоровной Щербатовой (р. 29 Апрѣля 1762 г.). Екатерина узнала объ этомъ и лѣтомъ 1789 г. поспѣшила помолвить влюбленныхъ. „Я ничей тиранъ никогда не была и принужденій ненавижу“, заявила она. На свадьбу молодымъ пожаловано 100/т. р. и 2250 душъ, но новобрачные должны были оставить дворъ и поселиться въ Москвѣ. Съ тѣхъ поръ значеніе Мамонова пало навсегда, хотя письмами изъ Москвы онъ неоднократно испрашивалъ себѣ позволеніе возвратиться въ Петербургъ. Онъ раскаялся въ своемъ поступкѣ, жалѣлъ потеряннаго и потому не могъ быть счастливъ въ семьѣ. Скоро о немъ стали говорить, что онъ „съ ума сошелъ и дерется съ женой“, а Екатерина была увѣрена, что „онъ не можетъ быть счастливъ: разница—ходить съ кѣмъ-нибудь по саду и видѣться на $^1/_4$ часа или жить вмѣстѣ“. Императоръ Павелъ, благосклонно относившійся къ Мамонову, въ день своей коронаціи, 5 Апрѣля 1797 г., возвелъ его въ графское Россійской имперіи достоинство.

Жена Мамонова скончалась 9 Ноября 1801 года, оставивъ ему сына, графа Матвѣя Александровича (р. 1789 г., † 1863 г.), и дочь, графиню Марію Александровну (фрейлина; умерла въ 50-хъ гг. за границей); дѣти Федоръ и Анна умерли въ младенчествѣ. Графъ А. М. Мамоновъ умеръ въ Москвѣ 29 Сентября 1803 года и похороненъ рядомъ съ женой въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ.

Екатерина, изъ понятнаго самолюбія, преувеличивала достоинства позднѣйшихъ своихъ избранниковъ; она не видѣла ихъ крупныхъ недостатковъ и въ увеличительное стекло смотрѣла на ихъ некрупныя достоинства. Какъ кажется, правъ былъ императоръ Іосифъ II, сказавшій о Мамоновѣ: „Новый фаворитъ довольно красивый малый, но онъ умомъ не далекъ“.

(Съ портрета И. Аргунова; собственность князя С. А. Щербатова; с. Наро-Ѳоминское, Московск. губ.)

Le comte ALEXANDRE MATVÉEWITCH DMITRIEFF-MAMONOFF, 1758—1803, fils du sénateur Mathieu Vassiliewitch Dmitrieff-Mamonoff (1724—1810) et d'Anna Ivanowna, née Boborykine (1723—1792), naquit le 19 septembre 1758. Elevé chez ses parents, il entra au service dans la Garde; en 1786, il était déjà lieutenant et aide de camp de Potemkine. A ce moment, Ermoloff, le favori de Catherine, dut quitter la Cour, et Potemkine présenta son jeune aide de camp, dont il était entièrement sûr. „Le dessin n'est pas mal, mais le coloris ne vaut rien", dit de lui l'Impératrice, qui le prit pourtant, le 19 août 1786, comme aide de camp attaché à sa personne. Au témoignage des contemporains, Mamonoff était intelligent, avait du goût pour la littérature et les arts, et comblait par une lecture incessante les lacunes de son instruction. L'Impératrice fit bien son possible pour le mettre aux affaires de l'Etat, mais elle avait plutôt recours à ses conseils pour les comédies de son Ermitage et lui fit composer pour ce théâtre plusieurs pièces, qui furent publiées dans un recueil intitulé „Théâtre de l'Hermitage". Au moral, le caractère de Mamonoff, pour fier et intéressé qu'il fût, était tout à son avantage: très dévoué à l'Impératrice, il ne fit pas mauvais usage de son influence sur elle. Elle avait une haute opinion de ses capacités. En 1787, il l'accompagna en Crimée, et fut à cette occasion fait premier major du régiment Préobragensky, chambellan actuel, cornette au Corps des Chevaliers-Gardes, puis l'année suivante général aide de camp. „C'est un ami fidèle, j'ai fait plus d'une fois l'épreuve de sa modestie", dit alors Catherine à Khrapovitzky. Peu après, il reçut de Joseph II, le 25 mai 1788, le titre de comte, et de l'Impératrice, le 8 septembre de la même année, l'ordre de St-Alexandre Newsky. Les gratifications qui lui furent accordées en argent et en terres furent également sans précédent; d'autant plus que Catherine savait son amour de l'argent et son avarice, et s'efforçait de le tenir par là. Dans la lieutenance seule de Nijny-Novgorod, il ne possédait pas moins de 27.000 têtes de paysans; sa charge de général aide de camp lui rapportait 180.000 roubles par an, sans compter les traitements afférents à ses autres charges et une indemnité de table de 36.000 roubles par an; sa passion pour les diamants ne fut pas oubliée non plus: il portait des aiguillettes en brillants de 50.000 roubles. L'attachement de l'Impératrice allait croissant rapidement; elle devenait jalouse. Lui sentait la position lui peser, il en avait assez: „Le pauvre garçon trouvait son existence une geôle". Lorsqu'elle voulut le faire vice-chancelier, il n'y tint plus; il avait noué depuis quelque temps déjà une intrigue secrète avec une demoiselle d'honneur de 16 ans, la princesse Daria Féodorowna Chtcherbatoff (née 29 avril 1762). Catherine le sut, et, à l'été de 1789, s'empressa de fiancer les deux amoureux: „Je n'ai jamais tyrannisé personne et je déteste la contrainte", déclara-t-elle. Le jeune couple reçut une dotation de 100.000 roubles, et 2500 têtes de paysans, mais dut quitter la Cour et se fixer à Moscou. Mamonoff ne devait jamais retrouver son importance passée, et pourtant il écrivit bien souvent de Moscou pour se faire autoriser à revenir à Pétersbourg. Il avait des regrets, déplorant ce qu'il avait perdu, et ne pouvait dès lors être heureux en famille. On prétendit bientôt „qu'il était fou et se battait avec sa femme", et Catherine était persuadée „qu'il ne pouvait être heureux: une promenade à deux ou une entrevue d'un quart d'heure, et la vie en commun, ce n'est pas la même chose". L'Empereur Paul, de la faveur duquel il jouissait, l'éleva le jour de son couronnement, le 5 avril 1797, à la dignité de comte de l'Empire Russe.

Mamonoff resta veuf, le 9 novembre 1801, avec un fils, le comte Mathieu (1789—1863), et une fille, la comtesse Marie, demoiselle d'honneur, décédée à l'étranger dans les années 50; deux autres enfants, Théodore et Anne, étaient morts en bas âge. Il mourut à Moscou, le 29 septembre 1803, et y fut inhumé près de sa femme, au monastère Donskoï.

Catherine, par un amour-propre facile à comprendre, exagéra les mérites de ses derniers favoris; elle ne voyait pas leurs défauts considérables et regardait à la loupe leurs insignifiants mérites. L'Empereur Joseph II ne semble pas s'être trompé en disant de Mamonoff: „Le nouveau favori est assez beau garçon, mais, à part ça, il n'a rien d'extraordinaire".

(D'après un original d'Argounoff, appartenant au prince S. Chtcherbatoff, Naro-Fominskoïé, près Moscou.)

45

Пис. Н. Аргуновъ | Peint par Argounoff

Графъ Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ, 1758-1803 | Le Comte Alexandre Matvéewitch Dmitrieff-Mamonoff, 1758-1803

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

АЛЕКСАНДРЪ ФЕДОРОВИЧЪ ЛАБЗИНЪ, 1766—1825, родился въ Москвѣ 28 Апрѣля 1766 г.; учился въ Московскомъ университетѣ; въ это время онъ сотрудничалъ въ „Вечерней Зарѣ" Н. И. Новикова, который, равно какъ профессоръ-масонъ Шварцъ, обратилъ вниманіе на даровитаго Лабзина. Принятый въ общество мартинистовъ, Лабзинъ въ 1784 г. поступилъ переводчикомъ сперва въ Московское Губернское правленіе, а затѣмъ (1787) въ Конференцію университета. Тогда же онъ издалъ переводы „Фигаровой женитьбы" Бомарше и „Судьи" Мерсье и написалъ оду на прибытіе въ Москву Екатерины II. Послѣ крушенія Новиковской „Типографической Компаніи" (1789), Лабзинъ переселился въ Петербургъ и здѣсь поступилъ въ Секретную экспедицію почтамта; въ Апрѣлѣ 1799 г. переведенъ былъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, а въ Сентябрѣ назначенъ конференцъ-секретаремъ Академіи Художествъ. Императоръ Павелъ поручилъ Лабзину составить „Исторію ордена св. Іоанна Іерусалимскаго", которая вышла въ 1799—1801 г., и Лабзинъ получилъ званіе „исторіографа" ордена. Въ Октябрѣ 1804 г., уже въ чинѣ д. ст. совѣтника, Лабзинъ назначенъ былъ директоромъ Департамента военныхъ и морскихъ силъ, а въ 1805 г. опредѣленъ членомъ Адмиралтейскаго Департамента. Оставаясь все это время секретаремъ Академіи, онъ издалъ много книгъ мистическаго содержанія, а въ 1800 г. основалъ ложу „Умирающій Сфинксъ". Желаніе бороться съ сочиненіями „соблазнительными и развратными" побудило Лабзина предпринять изданіе „Сіонскаго Вѣстника". Журналъ на сентябрьской книжкѣ былъ запрещенъ Императоромъ, по представленію кн. А. Н. Голицына; однако, черезъ 10 лѣтъ, послѣдній исхлопоталъ Лабзину орд. Владиміра 2-й ст. „за добровольную ревность и неусыпные труды по изданію многихъ книгъ, руководствующихъ къ образованію духа и жизни по началамъ религіи, единымъ твердымъ и истиннымъ", и пособіе изъ Кабинета Е. В. на возобновленіе журнала. Самъ Императоръ Александръ былъ въ числѣ подписчиковъ, но и на этотъ разъ изданіе скоро должно было прекратиться (въ Іюлѣ 1818 г.) вслѣдствіе усиленныхъ происковъ и представленій враговъ Лабзина (митрополита Филарета, архимандрита Фотія и др.), добившихся подчиненія журнала духовной цензурѣ. Новая неудача была причиной тяжкой болѣзни Лабзина. Назначенный (12 Января 1818 г.) вице-президентомъ Академіи Художествъ, въ 1822 г., за насмѣшливое предложеніе избрать въ почетные любители Академіи государева кучера Илью Байкова, вызванное предложеніемъ А. Н. Оленина объ избраніи гр. Кочубея, какъ лица „близкаго къ Государю", Лабзинъ былъ высланъ изъ Петербурга въ Сенгилей; полгода спустя, ему разрѣшено было переселиться въ Симбирскъ. Здѣсь онъ и скончался 26 Января 1825 г.; погребенъ въ Симбирскомъ Покровскомъ монастырѣ.

Лабзинъ представляетъ любопытную и своеобразную фигуру въ кругу дѣятелей Александрова царствованія, перемѣнчивыя настроенія котораго ярко и рельефно отразились на его судьбѣ. Широкое и разностороннее образованіе, большой умъ, недюжинныя духовныя силы и изумительную энергію Лабзинъ израсходовалъ на пропаганду своихъ мистическихъ воззрѣній. Искренно преданный идеямъ христіанства, истинно православный, онъ стремился къ отысканію вѣчныхъ истинъ и къ созданію той мистической „внутренней" церкви, въ которой онъ видѣлъ залогъ людского счастья на землѣ, прообразъ Церкви небесной. Надѣленный отъ природы всѣми качествами, необходимыми для руководительства другими, властолюбивый Лабзинъ гипнотически дѣйствовалъ на людей, входившихъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Съ виду гордый, надменный, онъ былъ добръ и привѣтливъ съ людьми бѣдными и угнетенными, но съ тѣми, кто былъ выше его, обращался сухо, съ преувеличенною суровостью, которой не было въ существѣ его характера; напротивъ, онъ любилъ шутку, былъ остроуменъ, и бесѣда съ нимъ была пріятна. Постоянная борьба съ такими же, какъ онъ самъ, фанатиками, но противной ему партіи, озлобила его, непріятныя стороны его характера рѣзче и чаще выступали наружу и были причиной его крушенія.

Съ 1794 г. Лабзинъ былъ женатъ на вдовѣ Аннѣ Евдокимовнѣ Карамышевой, рожд. Яковлевой (р. 1758, † 1828; погребена въ Москвѣ на Ваганьковскомъ кладбищѣ). Она оставила послѣ себя „Воспоминанія" (изд. въ 1903 г.). Не имѣя своихъ дѣтей, Лабзины воспитывали двухъ сиротъ: племянницу Е. С. Микулину (за Ю. Н. Бартеневымъ) и С. А. Мудрову (за Н. П. Лайкевичемъ), также оставившую „Воспоминанія" (изд. 1905 г.), цѣнныя для біографіи ея пріемныхъ родителей.

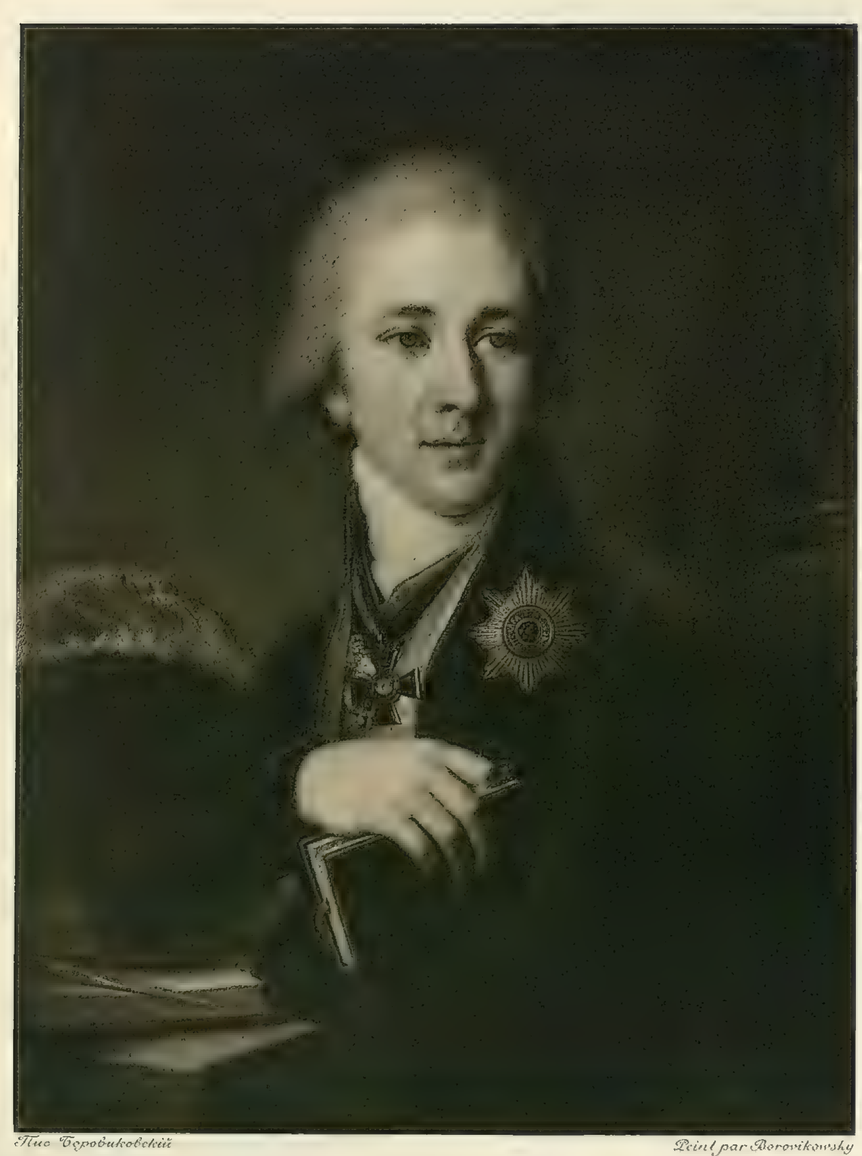
(Съ портрета Боровиковскаго; Румянцевскій музей, въ Москвѣ.)

ALEXANDRE FÉODOROWITCH LABZINE, 1766—1825, naquit à Moscou, le 28 avril 1766, et fit ses études à l'université de Moscou. Encore étudiant, il collabora au Crépuscule de Novikoff, qui remarqua son talent, ainsi que le professeur franc-maçon Schwartz; il fut admis dans la société des Martinistes. En 1784, il fut nommé traducteur aux bureaux du gouvernement de Moscou, puis, en 1787, à la Conférence de l'université. Ce fut à cette époque qu'il publia des traductions du Mariage de Figaro de Beaumarchais et du Juge de Mercier et composa une Ode pour célébrer l'arrivée de Catherine II à Moscou. Après la débâcle de la Société d'Imprimerie de Novikoff, en 1789, il se rendit à Pétersbourg, où il entra à la Chancellerie secrète de la poste; en avril 1799, il passa au Collège des Affaires étrangères, et en septembre fut nommé secrétaire de la Conférence de l'Académie des Beaux-Arts. L'Empereur Paul le chargea d'écrire une Histoire de l'Ordre de Saint-Jean-de-Jérusalem, qui parut en 1799—1801, et il reçut le titre d'historiographe de l'Ordre. En octobre 1824, ayant déjà rang de conseiller d'état actuel, il fut fait directeur du département des affaires militaires et navales et, en 1805, nommé membre du département de l'Amirauté. Il était resté secrétaire de l'Académie, avait publié de nombreux ouvrages de mysticisme et créé, en 1800, la loge Le Sphinx Mourant. Pour combattre les tendances „corruptrices et perversives" de certains livres, il eut l'idée de fonder une revue intitulée Le Messager de Sion, qui fut suspendue par l'Empereur dès les premiers numéros sur la proposition du prince A. Golitzyne. Dix ans après cependant, celui-ci lui fit obtenir St-Vladimir de 2e classe „pour l'initiative, le zèle et le soin infatigable avec lesquels il avait publié nombre de livres destinés à donner une direction spirituelle et morale conforme aux principes de la religion, les seuls fermes et vrais", et une subvention du Cabinet de S. M. pour reprendre sa revue. L'Empereur lui-même fut des souscripteurs, mais, cette fois encore, la publication ne devait pas tarder à être interrompue (juillet 1818) par suite des menées et des représentations d'ennemis de Labzine, le métropolite Philarète, l'archimandrite Photius, et autres, qui voulaient soumettre le journal à la censure ecclésiastique. Ce nouvel insuccès le fit tomber gravement malade. En 1822, à l'Académie des Beaux-Arts, dont il était vice-président depuis le 12 janvier 1818, Olénine ayant présenté pour être nommé membre honoraire le comte Kotchoubey, comme „familier de l'Empereur", il déposa à son tour, en dérision, une proposition en faveur du cocher de l'Empereur, Elie Baïkoff: la plaisanterie le fit exiler de Pétersbourg. Il se retira à Senguiley, et, au bout de six mois, reçut l'autorisation d'habiter Simbirsk. Il y mourut, le 26 janvier 1825, et fut inhumé au monastère de l'Intercession.

Labzine est une figure curieuse et bien personnelle du temps d'Alexandre, de cette époque dont les dispositions changeantes eurent un contre-coup si vif et si accusé sur sa destinée. Son instruction étendue et variée, sa grande intelligence, sa force morale peu commune, son énergie surprenante, il mit tout au service de la propagande de ses idées mystiques. Vrai orthodoxe, sincèrement dévoué aux idées chrétiennes, il travaillait à la recherche des vérités éternelles et à la fondation de cette église intérieure mystique, dans laquelle il voyait le gage du bonheur de l'homme ici-bas et le symbole de celle du Royaume des Cieux. Naturellement doué de toutes les qualités indispensables pour diriger les autres, Labzine, avec son caractère dominateur, hypnotisait quiconque l'approchait. Sous des dehors fiers et hautains, il était bon et accueillant pour les malheureux et les opprimés, mais avec les gens haut placés, il se montrait sec et d'une rigueur exagérée qui n'était pas en réalité dans son caractère; il aimait au contraire à plaisanter, avait de l'esprit et une conversation agréable. Sa lutte incessante avec des fanatiques comme lui, mais de parti opposé, l'avait aigri; les côtés désagréables de son caractère se donnaient carrière plus librement et plus fréquemment et furent cause de sa ruine.

Il avait épousé, en 1784, Anna Yakovleff, Vve Karamycheff (1758—1828), qui laissa des Mémoires (publiés en 1903) et fut inhumée au cimetière Vagankowsky, à Moscou. Ils n'eurent pas d'enfants à eux et élevèrent deux orphelines, une nièce, Mlle Mikouline, qui épousa Barténeff, et S. Moudroff, qui épousa Laïkewitch et laissa aussi des Mémoires parus en 1905 et précieux pour la biographie de ses parents d'adoption.

(D'après un original de Borovikowsky, Musée Roumiantzeff, Moscou.)



Пис. Боровиковскій | Peint par Borovikowsky

Александръ Федоровичъ Лабзинъ, 1766-1825 | Alexandre Féodorowitch Labzine, 1766-1825

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

47

Графиня МАРІЯ АЛЕКСѢЕВНА ОРЛОВА-ДЕНИСОВА, 1784—1829, дочь министра финансовъ графа Алексѣя Ивановича Васильева отъ брака съ княжной Варварой Сергѣевной Урусовой, родилась въ Январѣ 1784 года; будучи фрейлиной, 22 Сентября 1805 г. вышла замужъ за графа Василія Васильевича Орлова-Денисова и отъ этого брака имѣла 6 сыновей: Федора (генералъ-адъютантъ), Алексѣя (р. 18 Октября 1809, † 15 Ноября 1834), Василія (р. 1810, † 1827), Николая (р. 1815), Михаила и Петра, и 3 дочерей: Софію, была замужемъ за графомъ В. П. Толстымъ, Надежду—за М. А. Катенинымъ и Любовь—за княземъ П. П. Трубецкимъ.

Графиня М. А. Орлова-Денисова умерла 21 Мая 1829 года и погребена въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ. Мужъ былъ глубоко потрясенъ потерей нѣжно любимой жены, которая „дѣлила съ нимъ въ Финляндскомъ походѣ всѣ трудности".

(Съ портрета Боровиковскаго 1801 г.; собственность М. Н. Кристи, въ Москвѣ.)

47

La comtesse MARIE ALEXÉEWNA ORLOFF-DÉNISSOFF, 1784—1829, fille du ministre des finances comte Alexis Vassilieff et de la princesse Varvara Serguéewna Ouroussoff, naquit en janvier 1784. Elle était demoiselle d'honneur lorsqu'elle épousa, le 22 septembre 1805, le comte Basile Vassiliewitch Orloff-Dénissoff, dont elle eut six fils: Théodore (général aide de camp), Alexis (18 octobre 1809—15 novembre 1834), Basile (1810—1827), Nicolas (né 1815), Michel et Pierre, et trois filles: Sophie, qui fut mariée au comte B. Tolstoï, Nadejda à M. Katénine et Liouboff au prince N. Troubetzkoï.

La comtesse Orloff-Dénissoff mourut le 21 mai 1829 et fut inhumée au monastère Donskoï, à Moscou. Son mari fut cruellement frappé par la mort de sa femme bien-aimée, qui „avait partagé avec lui toutes les fatigues de la campagne de Finlande".

(D'après un original de Borovikowsky (1801), appartenant à M. Kristi, Moscou.)

Пис. Боровиковскій, 1801 | Peint par Borovikowsky, 1801

Графиня Марія Алексѣевна Орлова Денисова, 1784-1829 | La Comtesse Marie Alexéевna Orloff-Denissoff, 1784-1829

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Князь АЛЕКСАНДРЪ БОРИСОВИЧЪ КУРАКИНЪ, 1752—1818, сынъ гофмейстера князя Бориса Алексѣевича отъ брака съ Еленой Степановной Апраксиной, родился 18 Января 1752 года; въ дѣтствѣ воспитывался съ Наслѣдникомъ престола Великимъ Княземъ Павломъ Петровичемъ, оберъ-гофмейстеръ котораго, графъ Н. И. Панинъ, былъ Куракину внучатный дядя. Образованіе свое Куракинъ довершилъ въ Лейденскомъ университетѣ. Въ 1772 г. Куракинъ, числившійся съ дѣтства на службѣ въ гвардіи, пожалованъ былъ въ камеръ-юнкеры, а въ 1775 г. опредѣленъ въ Сенатъ. Въ 1778 г. Куракинъ сдѣланъ былъ дѣйствительнымъ камергеромъ, а затѣмъ назначенъ былъ оберъ-прокуроромъ Сената и избранъ С.-Петербургскимъ предводителемъ дворянства. Эта служба не мѣшала князю Куракину сопровождать Великаго Князя Павла Петровича въ его путешествіи въ Берлинъ и за границу, такъ какъ Великій Князь былъ весьма привязанъ къ нему и называлъ его своею „душою". Но дружба эта не нравилась Императрицѣ Екатеринѣ, и нѣсколько неосторожныхъ словъ въ перехваченномъ письмѣ полковника Бибикова къ Куракину послужили поводомъ къ тому, что послѣдній получилъ повелѣніе удалиться на житье въ с. Надеждино, Саратовской губерніи. Оттуда Куракинъ поддерживалъ переписку съ царственнымъ своимъ другомъ, который по восшествіи своемъ на престолъ осыпалъ его милостями. Въ теченіе Ноября 1796 г. Куракинъ пожалованъ былъ въ тайные совѣтники, назначенъ членомъ Совѣта при Императорѣ, вице-канцлеромъ, произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, получилъ ордена св. Владиміра 1-й ст. и Андрея Первозваннаго. Кромѣ того, ему пожалованъ былъ домъ въ Петербургѣ, а въ день коронаціи болѣе 4/т. душъ и богатыя рыбныя ловли въ Астраханской губерніи. Но въ 1798 г. опала Императора постигла и князя Куракина, когда Императрица Марія Ѳеодоровна и фрейлина Нелидова, его поддерживавшія, лишились своего вліянія. Куракинъ былъ лишенъ своей должности и долженъ былъ выѣхать въ Москву. Незадолго до кончины Императоръ Павелъ вновь поручилъ князю Куракину должность вице-канцлера, а Императоръ Александръ назначилъ его канцлеромъ россійскихъ орденовъ и время отъ времени давалъ ему дипломатическія порученія. Такъ, при участіи князя Куракина заключенъ былъ, въ 1807 г., Тильзитскій миръ, а затѣмъ онъ посланъ былъ въ Вѣну съ особымъ порученіемъ. Въ періодъ съ 1809 по 1812 г. Куракинъ былъ русскимъ посломъ въ Парижѣ. Умеръ 25 Іюля 1818 г. въ Веймарѣ и похороненъ въ Павловскѣ; на памятникѣ его, поставленномъ Императрицею Маріею Ѳеодоровною, надпись: „Другу супруга моего".

По отзывамъ современниковъ, Куракинъ обладалъ добрымъ сердцемъ, лучше сказать — не былъ злымъ человѣкомъ, но былъ страшно тщеславенъ и склоненъ къ пышности: по страсти къ блеску его называли „брильянтовымъ княземъ". Значительной части брильянтовъ, на 70/т. рублей, лишился онъ въ суматохѣ во время пожара въ Парижѣ въ 1810 г. на балу у кн. Шварценберга; онъ сильно обгорѣлъ, но былъ спасенъ, благодаря тяжелому парчевому камзолу, залитому золотымъ шитьемъ. Князь Куракинъ былъ педантъ въ дѣлѣ этикета и костюма: было строго опредѣлено, когда, и какъ и что надѣть; ѣздилъ онъ въ громадной золотой каретѣ цугомъ, съ лакеями и скороходами; въ Парижѣ у него была многочисленная дворня, въ „Надеждинѣ" — родъ двора, на подобіе владѣтельнаго князя. Мелкіе дворяне поступали къ нему въ дворню, и это льстило его тщеславію; гости и разные „любезники" наполняли его домъ, жили подолгу, согласно особой инструкціи, не стѣсняя ни въ чемъ себя и не безпокоя хозяина. „Съ молоду", говоритъ Вигель, „князь Куракинъ былъ очень красивъ и получилъ отъ природы крѣпкое, даже атлетическое сложеніе. Но роскошь и сладострастіе размягчили тѣлесную и душевную его энергію, а эпикуреизмъ его виденъ былъ во всѣхъ его движеніяхъ, и лучезарное тихонравіе его долго плѣняло и уважалось, но въ новое царствованіе, съ новыми идеями, оно дало поводъ сравнивать его съ павлиномъ". Государственныя дѣла занимали его менѣе, чѣмъ придворныя отношенія, для которыхъ онъ жертвовалъ всѣмъ. Назначенный членомъ Государственнаго Совѣта, получивъ мѣсто въ засѣданіяхъ какъ дѣйств. тайн. совѣтникъ 1-го кл. ниже канцлера и фельдмаршала, онъ дважды „утруждалъ" Государя прошеніями „о правосудіи", хотя въ это время жестоко страдалъ отъ подагры, которая „вошла въ правую руку и заняла обѣ ноги".

Куракинъ не былъ женатъ, но имѣлъ большую слабость къ женщинамъ, въ разныхъ слояхъ общества имѣлъ многочисленныя связи, послѣдствіемъ которыхъ было до 70 побочныхъ дѣтей; отъ него, между прочимъ, ведутъ свое происхожденіе бароны Вревскіе и Сердобины.

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность князя Б. А. Куракина; с. Куракино, Орловской губ.)

Le prince ALEXANDRE BORISSOWITCH KOURAKINE, 1752—1818, fils du prince Boris Alexéewitch Kourakine, maître de la Cour, et d'Hélène Stépanowna, née Apraxine, naquit le 18 janvier 1752. Il passa son enfance avec le Grand-Duc Héritier Paul Pétrowitch, dont le grand maître de la Cour, le comte Panine, était son oncle par alliance. Il alla compléter son instruction à l'université de Leyde. Enrôlé dès son enfance à la Garde, il fut fait en 1772 gentilhomme de la chambre et, en 1775, alla siéger au Sénat. En 1778, il devint chambellan actuel, puis fut nommé haut procureur du Sénat et élu maréchal de la noblesse de St-Pétersbourg. Le service ne l'empêcha pas d'accompagner le Grand-Duc dans son voyage à Berlin et à l'étranger, car Paul Pétrowitch avait pour lui un grand attachement et l'appelait „mon ami". Mais cette amitié ne plaisait pas à l'Impératrice Catherine, et quelques paroles imprudentes interceptées dans une lettre du colonel Bibikoff servirent de prétexte pour donner à Kourakine l'ordre de se retirer dans ses propriétés de Nadejdino, gouvernement de Saratoff. De cette retraite, il resta en correspondance avec son impérial ami, qui, à son avènement, le combla de faveurs. Dans le mois de novembre 1796, Kourakine fut fait conseiller privé, nommé membre du Conseil Impérial, promu conseiller privé actuel, et décoré de St-Vladimir de 1re classe et de St-André. En outre, il reçut une maison à Pétersbourg et, le jour du couronnement, plus de 4000 têtes de paysans et de riches pêcheries dans le gouvernement d'Astrakhan. Mais, en 1798, la défaveur de l'Empereur atteignit aussi le prince Kourakine, lorsque l'Impératrice Marie Féodorowna et Mlle Nélidoff, qui le soutenaient, vinrent à perdre leur influence: il fut privé de ses charges et dut se retirer à Moscou; peu avant sa fin, Paul lui rendit ses fonctions de vice-chancelier. L'Empereur Alexandre le nomma chancelier des Ordres russes et lui confia à plusieurs reprises des missions diplomatiques: c'est ainsi qu'en 1807, il travailla à la conclusion de la paix de Tilsitt, puis fut envoyé en mission spéciale à Vienne. De 1809 à 1812, Kourakine fut ambassadeur de Russie à Paris. Il mourut à Weimar, le 25 juillet 1818, et fut inhumé à Pavlowsk; l'Impératrice Marie lui fit élever un monument avec l'inscription: „A l'ami de mon mari".

Au témoignage des contemporains, Kourakine avait un bon cœur, ou plutôt était sans méchanceté, mais il possédait une vanité démesurée et un penchant pour le faste: son amour du lustre le faisait nommer „Le prince Diamant". Il perdit une bonne partie de ses brillants, pour 70.000 roubles environ, dans le tumulte de l'incendie du bal de Schwartzenberg, à Paris, en 1810; lui-même reçut de graves brûlures, et ne dut son salut qu'à l'épais brocart chamarré d'or dont il était revêtu. Le prince Kourakine était d'une minutie extrême en matière d'étiquette et de costume: chacun avait chez lui une tenue de rigueur pour chaque circonstance. Il ne sortait que dans un immense carrosse tout doré, attelé à la Daumont, avec valets de pied et coureurs. A Paris, il avait une domesticité innombrable. A Nadejdino, c'était une vraie cour, comme chez un prince régnant: des gens de petite noblesse s'y faisaient admettre, et cela flattait sa vanité; la maison était remplie d'invités et autres parasites, qui faisaient là tout un séjour, soumis à une réglementation spéciale, sans se gêner en rien ni déranger le maître. „Dans sa jeunesse", dit Wiegel, „le prince Kourakine était très beau et d'une constitution solide, presque athlétique. Mais le luxe et la mollesse finirent par dissoudre son énergie physique et morale: tous ses mouvements respiraient l'épicurisme; il portait une radieuse sérénité qui d'abord séduisit et en imposa, mais qui, sous le nouveau règne, avec les idées nouvelles, le faisait comparer au paon". Les affaires de l'Etat l'occupaient moins que les relations de Cour, auxquelles il sacrifiait tout. Nommé membre du Conseil de l'Empire, titulaire aux séances d'un siège de conseiller privé actuel de 1re classe après chancelier et feld-maréchal, à deux reprises il „demanda justice" à l'Empereur, quoiqu'il souffrît alors cruellement de la goutte, „qui a attaqué le bras droit et envahi les deux jambes".

Kourakine n'était pas marié, mais il avait pour les femmes un faible très prononcé: il eut dans toutes les classes de la société de nombreuses liaisons, et on lui comptait plus de soixante-dix enfants naturels; c'est à lui que doivent entre autres leur origine les barons Vrewsky et Serdobine.

(D'après un original de Borovikowsky, appartenant au prince B. Kourakine, Kourakino, gouvernement d'Orel.)

Пис. Боровиковскій | Peint par Borovikowsky

Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, 1752-1818 | Le Prince Alexandre Borissowitch Kourakine, 1752-1818

Эксnúmед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Княгиня ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА БАГРАТІОНЪ, 178.—1857, дочь графа Павла Мартыновича Скавронскаго (1757—1793), извѣстнаго чудака, посланника въ Неаполѣ, женатаго на Екатеринѣ Васильевнѣ Энгельгардтъ, любимой племянницѣ Потемкина. Молоденькой фрейлиной, какъ говорятъ, влюбленная въ графа Палена, 2 Сентября 1800 г. она была выдана замужъ, по волѣ Павла I, противъ своего желанія, за 35-лѣтняго генералъ-майора князя Петра Ивановича Багратіона (1765—1812), героя 1812 г.; супруги не сошлись характерами, она скоро разъѣхалась съ мужемъ и поселилась въ Вѣнѣ. Князь Багратіонъ тщетно пытался побудить жену вернуться въ Россію и прибѣгалъ для этого къ содѣйствію посла въ Вѣнѣ, князя А. Б. Куракина. Молодая княгиня, ссылаясь на свое слабое здоровье, предпочла навсегда остаться за границей, „сдѣлавъ изъ своей кареты какъ бы второе отечество". Гдѣ бы она ни появлялась, она пользовалась шумнымъ успѣхомъ, благодаря своей красотѣ, эксцентричности и громадному состоянію, расточаемому въ безумныхъ тратахъ. „При своей красотѣ и привлекательности она собрала вокругъ себя замѣчательное общество", писалъ о ней Гёте, видѣвшій ее въ Карлсбадѣ въ 1807 г., послѣ ея возвращенія изъ Дрездена, гдѣ ею увлекся молодой и блестящій прусскій принцъ Людвигъ, порвавшій изъ-за нея старую связь съ принцессой Сольмсъ и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ убитый въ сраженіи съ французскими войсками въ Тюрингіи. Современники восторгаются ея чуднымъ цвѣтомъ лица, алебастровою бѣлизною кожи, золотистыми волосами и выраженіемъ ея большихъ голубыхъ глазъ, которымъ сильная близорукость придавала что-то неясное и загадочное. По отзыву А. Я. Булгакова, называвшаго княгиню Багратіонъ „вѣнской бѣлой бабкой", она была настолько моложава, что въ 30 лѣтъ, лицомъ и фигурой, напоминала 15-лѣтнюю дѣвушку. „Милая женщина", писалъ онъ, „не удивляюсь, что ея домъ пріятенъ, и что всѣ къ ней ѣздятъ. На это однѣхъ денегъ не довольно, надобно умѣнье, любезность, ловкость княгини". Особенно много она заставила говорить о себѣ въ Вѣнѣ своимъ роскошнымъ образомъ жизни. „Совершенно справедливо, что она дѣлаетъ безумныя издержки, которымъ всѣ удивляются и смѣются", пишетъ кн. А. Б. Куракинъ: „Она держитъ открытый домъ и даетъ праздники, не будучи къ тому принуждена, и никто ей за это не благодаренъ".—„Ея туалеты и экипажи отличаются неслыханною оригинальностью", заноситъ въ свой дневникъ княгиня Меланія Меттернихъ. Не обладая особеннымъ умомъ, но любезная и словоохотливая, довольно безцеремонная и даже циничная въ своихъ выраженіяхъ, княгиня Багратіонъ умѣла, какъ говорятъ французы, „держать салонъ", и подъ вліяніемъ Меттерниха гостиная ея сдѣлалась сборнымъ пунктомъ его политическихъ единомышленниковъ, ненавистниковъ Наполеона и противниковъ французскаго вліянія въ Вѣнѣ. Къ ней съѣзжалось отборное Вѣнское общество и дипломатическій корпусъ; принцъ де-Линь, г-жа Сталь, Поццо-ди-Борго, секретарь Меттерниха Генцъ были постоянными ея гостями. На всѣхъ празднествахъ по случаю Вѣнскаго конгресса, она соперничала въ красотѣ съ извѣстнѣйшими красавицами вѣнской и польской аристократіи, и первымъ частнымъ праздникомъ, который посѣтилъ Императоръ Александръ I, былъ балъ, данный ею въ честь Государя.

Послѣ долгаго пребыванія въ Вѣнѣ, во время котораго она находилась въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ князю Меттерниху, послѣдствіемъ которыхъ было рожденіе дочери, вышедшей впослѣдствіи за датчанина, графа Блома, княгиня Багратіонъ, овдовѣвшая уже въ 1812 г., переселилась въ Парижъ, въ купленный ею домъ на Елисейскихъ поляхъ, продолжая и тутъ свой расточительный образъ жизни; особенно славилась она своими обѣдами. Выйдя во второй разъ замужъ за англійскаго генерала Карадока, впослѣдствіи лорда Гоудена, съ которымъ она также скоро разошлась, она не перемѣнила фамиліи и продолжала называться княгинею Багратіонъ. Желаніе нравиться не оставляло ее и въ старости; до конца жизни она продолжала любить наряды и одѣвалась, какъ молодая женщина, драпируясь въ газовыя покрывала, хотя уже не могла ходить и ее возили въ креслѣ. Въ послѣдніе годы жизни она была окружена всякими космополитическими проходимцами, эксплоатировавшими остатки ея прежняго состоянія. Скончалась княгиня Багратіонъ въ глубокой старости, въ Парижѣ, 21 Мая 1857 года.

(Съ портрета Боровиковскаго; музей Императора Александра III, въ С.-Петербургѣ.)

La princesse CATHERINE PAVLOWNA BAGRATION, 178.—1857, était fille du comte Paul Martynowitch Skavronsky (1757—1793), ambassadeur à Naples et connu par ses bizarreries, et de Catherine Vassiliewna, née Engelhardt, la nièce préférée de Potemkine. Jeune demoiselle d'honneur et amoureuse, dit-on, du comte Pahlen, elle fut, par la volonté de Paul Ier, mariée contre son gré, le 2 septembre 1800, au général major prince Pierre Bagration (1765—1812), le futur héros de 1812, alors âgé de 35 ans. Les époux ne s'entendirent pas: la princesse ne tarda pas à quitter son mari pour aller se fixer à Vienne. Lui s'efforça, mais sans succès, de la faire revenir en Russie; il eut recours à l'intermédiaire de l'ambassadeur de Russie à Vienne, le prince Alexandre Kourakine. Elle prétexta le mauvais état de sa santé et préféra rester pour toujours à l'étranger et „prendre sa voiture pour seconde patrie". Partout où elle parut, elle eut un succès retentissant, grâce à sa beauté, à son excentricité et à sa grosse fortune, qu'elle dissipait en dépenses insensées. „Sa beauté et son charme ont attiré autour d'elle une société d'élite", dit Gœthe après l'avoir vue à Karlsbad, en 1807; elle venait de Dresde, où elle avait fait la conquête du jeune et brillant prince Louis de Prusse, qui avait rompu pour elle une vieille liaison avec la princesse de Solms et périt quelques mois après en Thuringe en combattant contre les Français. Les contemporains sont dans l'enthousiasme de son teint merveilleux, de sa carnation d'albâtre, de ses cheveux d'or et de l'expression de ses grands yeux bleus, auxquels une forte myopie donnait quelque chose de vague et d'énigmatique. Ce fut surtout à Vienne qu'elle fit parler d'elle par son train de vie luxueux: „Il est bien vrai", dit le prince Kourakine, „qu'elle fait des dépenses insensées, qui étonnent et qui font rire: ce ne sont que réceptions et fêtes, sans aucune nécessité, et personne ne lui en sait gré". „Elle a des toilettes et des équipages d'une originalité inouïe", note dans son Journal la princesse Metternich. Sans rien de particulier comme esprit, mais avec un caractère aimable, de la conversation et une certaine liberté de propos, poussée parfois jusqu'au cynisme, la princesse Bagration savait, comme on dit en français, „tenir un salon"; Metternich avait fait de sa maison le rendez-vous de son parti, celui de la haine de Napoléon et de la lutte contre l'influence française à Vienne. Elle recevait l'élite de la société viennoise et le Corps Diplomatique; le prince de Ligne, Mme de Staël, Pozzo di Borgo, Hentz, le secrétaire de Metternich, étaient ses habitués. A toutes les solennités du Congrès de Vienne, elle rivalisa avec les beautés les plus en vue des aristocraties viennoise et polonaise, et la première fête privée où alla l'Empereur Alexandre fut le bal qu'elle donna en son honneur.

Après un long séjour à Vienne, au cours duquel elle eut du prince Metternich une fille, qui épousa dans la suite un diplomate danois, le comte de Blome, la princesse Bagration, devenue veuve en 1812, se fixa à Paris, dans sa maison des Champs-Elysées, et y continua sa vie de prodigalité: ses dîners étaient particulièrement célèbres. Elle épousa en secondes noces le général anglais Caradock, plus tard Lord Gowen, dont elle ne tarda pas non plus à se séparer; elle conserva son nom de princesse Bagration. L'âge n'affaiblit pas en elle le désir de plaire: elle ne cessa jusqu'à la fin de sa vie d'aimer la parure et de s'habiller comme une jeune femme, se drapant de gaze alors même qu'elle ne pouvait plus marcher et se faisait porter dans un fauteuil. Sur ses dernières années, elle fut entourée de toute espèce d'aventuriers cosmopolites à l'affût des restes de sa fortune passée. Elle mourut à Paris à un âge avancé, le 21 mai 1857.

(D'après l'original de Borovikowsky, Musée Alexandre III, St-Pétersbourg.)

Пис. Боровиковскій — Peint par Borovikowsky

Княгиня Екатерина Павловна Багратіонъ, 178·-1857

La Princesse Catherine Pavlowna Bagration, 178·-1857

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ КАРАМЗИНЪ, 1766—1826, сынъ Симбирскаго помѣщика, капитана Михаила Егоровича, отъ 1-го брака его съ Екат. Петр. Пазухиной, родился 1 Декабря 1766 года въ с. Михайловкѣ, Бузулукскаго уѣзда. Лишившись матери въ младенчествѣ, Карамзинъ росъ въ деревнѣ, въ домѣ отца и второй жены его, Евдокіи Гавриловны Дмитріевой, позднѣе отданъ былъ въ пансіонъ Фовеля, въ Симбирскѣ, а затѣмъ въ пансіонъ Московскаго профессора Шадена. Въ 1781 г. онъ явился на службу въ Преображенскій полкъ и, получивъ годовой отпускъ, жилъ въ Москвѣ, слушая лекціи Шадена, а въ 1782 г. вернулся въ полкъ и въ это время очень сблизился со своимъ свойственникомъ И. И. Дмитріевымъ. Выступивъ въ 1783 г. въ печати съ переводомъ идилліи Геснера „Деревянная нога", Карамзинъ въ 1784 г. вышелъ въ отставку и уѣхалъ на родину, гдѣ предался свѣтской жизни, а въ 1786 г. вернулся въ Москву; здѣсь И. П. Тургеневъ познакомилъ его съ Новиковымъ и другими членами „Дружескаго Общества". Много работая надъ переводами, пробуя силы въ стихотворствѣ, онъ въ 1789 г. отправился въ путешествіе за границу. Въ 1791 и 1792 гг. издавалъ „Московскій Журналъ", въ которомъ появилось начало „Писемъ русскаго путешественника" и повѣсть „Бѣдная Лиза", произведшія на читателей глубокое впечатлѣніе. Въ 1793—1794 гг. вышелъ сборникъ „Аглая", со многими пьесами Карамзина въ прозѣ и стихахъ. Въ Апрѣлѣ 1801 г. онъ женился на Елиз. Ив. Протасовой, но она умерла черезъ годъ. Съ 1802 г. Карамзинъ сталъ издавать журналъ „Вѣстникъ Европы", гдѣ напечаталъ „Мароу Посадницу", „Рыцаря нашего времени" и нѣсколько статей по русской исторіи. Исхлопотавъ себѣ черезъ М. Н. Муравьева званіе „исторіографа", онъ съ жаромъ принялся за трудъ; по выраженію князя Вяземскаго, „постригся въ историки". Въ Январѣ 1804 г. онъ женился на Екат. Андр. Колывановой, побочной сестрѣ князя П. А. Вяземскаго, и съ этихъ поръ проводилъ лѣто въ имѣніи послѣдняго с. Остафьевѣ, а зиму—въ Москвѣ, собирая повсюду и изучая памятники; черезъ 3 года онъ могъ уже сказать, что „не боится ферулы Шлецеровой". Въ 1809 г., въ Москвѣ, Карамзинъ былъ милостиво принятъ Александромъ I, который въ одно изъ посѣщеній Твери, гдѣ исторіографъ бывалъ гостемъ Великой Княгини Екатерины Павловны, слушалъ отрывки изъ „Исторіи"; тогда же Карамзинъ представилъ ему свою „Записку о древней и новой Россіи", которая не могла понравиться Государю по высказаннымъ въ ней убѣжденіямъ. Въ 1812 г. Карамзинъ покинулъ Москву, гдѣ погибла часть его библіотеки. Въ 1816 г. Карамзинъ началъ печатаніе своей исторіи, подъ цензурой самого Государя, и уже 28 Января 1818 г. поднесъ Государю первые 8 томовъ. „Исторія" имѣла необычайный успѣхъ: скоро потребовалось новое изданіе. Оплакавъ смерть Александра I, который съ особеннымъ расположеніемъ и довѣріемъ всегда къ нему относился, Карамзинъ въ Январѣ 1826 г. самъ тяжко захворалъ и скончался въ Таврическомъ дворцѣ 22 Мая 1826 г.; погребенъ на Тихвинскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Подъ перомъ Карамзина литературный русскій языкъ сдѣлалъ большой шагъ впередъ; утративъ напыщенность и неестественность, онъ украсился новыми оборотами, приблизился къ языку разговорному и къ пониманію широкаго круга читателей, которые сочувствовали и внутреннему содержанію его произведеній. На чтеніи его „Исторіи", языкъ которой обладаетъ всѣми качествами образцоваго литературнаго произведенія, воспиталось много поколѣній. Его „Исторія" навсегда сохранитъ свое значеніе и будетъ свидѣтельствовать, что авторъ ея былъ человѣкъ чрезвычайнаго трудолюбія, гуманный и просвѣщенный. Этими личными качествами Карамзина объясняется приверженность къ нему его современниковъ, для большинства которыхъ онъ явился носителемъ лучшихъ, общечеловѣческихъ идеаловъ.

Отъ брака съ Е. И. Протасовой Карамзинъ имѣлъ одну дочь, Софію (р. 5 Марта 1802, † 4 Іюля 1856, дѣв.), а отъ Е. А. Колывановой (р. 16 Ноября 1780, † 1 Сентября 1851)—3 сыновей и 2 дочерей: Андрея (р. 24 Окт. 1814, † 23 Мая 1854 г.; женатъ на извѣстной красавицѣ, вдовѣ П. Н. Демидова, Аврорѣ Карловнѣ Шернваль, † 13 Мая н. с. 1902), Александра (р. 31 Дек. 1815; женатъ на княжнѣ Н. В. Оболенской), Владиміра (р. 5 Іюня 1819; женатъ на бар. А. И. Дука, † 7 Авг. 1879 г.), Екатерину (р. 22 Сент. 1809, † 10 Ноября 1867; за кн. Мещерскимъ) и Наталью († фрейлиной 12 Авг. 1891 г.).

(Съ портрета В. Тропинина; Третьяковская галлерея, въ Москвѣ.)

NICOLAS MIKHAÏLOWITCH KARAMZINE, 1766—1826, fils d'un propriétaire de Simbirsk, le capitaine Michel Karamzine, et de sa première femme Catherine Pétrowna, née Pazoukhine, naquit le 1er décembre 1766 au village de Mikhaïlowka, district de Bouzoulouk. Il perdit sa mère de bonne heure et fut élevé à la campagne dans la maison de son père et de sa seconde femme, Eudoxie Gavrilowna, née Dmitrieff; on le mit ensuite à la pension Fauvel à Simbirsk, puis à celle du professeur de Moscou Chadin. En 1781, il vint se faire enrôler au régiment Préobragensky, et prit un congé d'un an pour aller à Moscou suivre les cours du professeur Chadin. Son congé expiré, il rentra au régiment, et se lia alors d'une étroite amitié avec son parent I. Dmitrieff. Karamzine débuta dans les lettres en 1783, avec une traduction de l'idylle de Gessner „La Jambe de bois", et prit sa retraite l'année suivante pour aller dans son pays et y mener la vie mondaine. En 1786, il revint à Moscou, où Tourguéneff lui fit faire connaissance avec Novikoff et les autres membres de la Société Amicale. Il fit de nombreuses traductions, s'essaya à la poésie et, en 1789, alla voyager à l'étranger. En 1791 et 1792, il publia le „Journal de Moscou", où parurent le commencement des „Lettres d'un voyageur russe" et une nouvelle „La pauvre Lise", qui firent sur le public une profonde impression. En 1793 et 1794 parut sous le titre „Aglaé" un recueil contenant de nombreux articles de Karamzine en prose et en vers. Il épousa, en avril 1801, Elisabeth Ivanowna Protassoff, qui mourut un an après. En 1802, il commença la publication de la revue „Le Messager d'Europe", pour laquelle il écrivit „Marthe de Novgorod", „Les Chevaliers de notre temps" et un certain nombre d'articles sur l'histoire russe. Il se fit délivrer par l'intermédiaire de M. Mouravieff le titre d'historiographe, et se mit au travail avec ardeur; selon le mot du prince Viazemsky, „il prit l'habit" d'historiographe. Il se remaria, en janvier 1804, avec Catherine Andréewna Kolyvanoff, sœur naturelle du prince P. Viazemsky, dans la propriété duquel il vint dès lors passer l'été à Ostafiévo; l'hiver, il restait à Moscou, recueillant partout et étudiant des monuments historiques: au bout de trois ans, il pouvait déjà dire „qu'il ne craignait pas la férule de Schlœtzer". En 1809, à Moscou, il fut gracieusement reçu par Alexandre Ier, et à Tver, où la Grande-Duchesse Catherine l'invitait souvent, il lut au Souverain des passages de son „Histoire" et lui présenta aussi sa „Note sur la Russie ancienne et moderne", dont l'esprit ne pouvait guère lui plaire. En 1812, Karamzine quitta Moscou, où il avait perdu une partie de sa bibliothèque. Il commença, en 1816, l'impression de son Histoire sous la censure personnelle de l'Empereur et, dès le 28 janvier 1818, lui fit hommage des huit premiers volumes. L'ouvrage eut un succès extraordinaire: la première édition fut vite épuisée. Karamzine venait de pleurer la mort d'Alexandre Ier, qui l'avait incessamment honoré d'une faveur et d'une confiance particulières, quand il tomba lui-même gravement malade, en janvier 1826, et mourut, le 22 mai de la même année, au Palais de la Tauride; il fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky, au cimetière de Tikhvine.

Sous la plume de Karamzine, le russe littéraire fit un progrès immense; la langue perdit sa boursouflure et son caractère artificiel, s'enrichit de tournures nouvelles et se rapprocha de la langue de la conversation, devenant ainsi plus accessible à la masse du public, qui de plus s'intéressait vivement à l'œuvre même. Son Histoire, modèle de style littéraire, fit l'éducation de plusieurs générations; elle conservera toujours sa valeur et révèle un travailleur acharné, un homme éclairé et à idéaux élevés. Ces qualités personnelles de Karamzine expliquent son succès près de ses contemporains, pour la majorité desquels il fut le représentant d'un idéalisme supérieur et universel.

De son premier mariage Karamzine avait eu une fille, Sophie (5 mars 1802—4 juillet 1856). Sa seconde femme Catherine Kolyvanoff (16 novembre 1780—1er septembre 1851) lui donna trois fils et deux filles: André (24 octobre 1814—23 mai 1854), qui épousa Aurore Chérival († 13 mai nouv. st. 1902), veuve de P. Démidoff et connue pour sa beauté, Alexandre (né 31 décembre 1815), qui épousa la princesse N. Obolensky, Vladimir (5 juin 1819—7 août 1879), qui épousa la baronne Douka, Catherine (22 septembre 1809—10 novembre 1867), princesse Mechtchersky, et Natalie (morte demoiselle d'honneur le 12 août 1891).

(D'après l'original de Tropinine, Galerie Trétiakoff, Moscou.)

Пис: В. Тропининъ | Peint par Tropinine

Николай Михайловичъ Карамзинъ, 1765-1826 | Nicolas Mikhaïlowitch Karamzine, 1765-1826

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

2007088110